

НАТАЛЬЯ АНДРЕЕВА

ДЕТИ БЕЛОЙ БОГИНИ

Наталья Андреева
Дети Белой Богини

«Автор»

2006

Андреева Н. В.

Дети Белой Богини / Н. В. Андреева — «Автор», 2006

ISBN 978-5-17-070975-5

В тихом маленьком городе N все было спокойно и благополучно. Пока там не стали происходить мистические события. Убийства, вандализм захватили город. Самое загадочное то, что каждое из этих событий «случалось» дважды: один раз во сне бывшего следователя Завьялова, второй раз в реальности.

ISBN 978-5-17-070975-5

© Андреева Н. В., 2006

© Автор, 2006

Содержание

В первый день лунного месяца	5
Новолуние	10
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Наталья Андреева

Дети Белой Богини

Книга от начала и до конца лишь вымысел автора, любые совпадения имен и событий случайны.

В первый день лунного месяца

Город N можно было бы пересечь на хорошей машине всего за пятнадцать минут, если бы не отвратительные дороги. Сеть транспортных артерий, кровеносная система города, стремительно дряхлая, и оттого, не будучи еще безнадежно больным стариком, N старательно избегал сколько-нибудь резкого движения.

N вырос так же, как и многие его ровесники, города-стотысячники, из небольшого поселения, чье месторасположение издавна привлекало торговцев и завоевателей. И по сию пору там красуется храм, вокруг которого сгрудились приземистые купеческие дома. Дата их рождения теряется в позапрошлом, девятнадцатом, веке. Великовозрастное сердце N, его исторический центр, по мере сил оберегалось городскими властями, в то время как новые микрорайоны были предоставлены самим себе.

Линия границ разросшегося города чем-то напоминала человеческий силуэт. На въезде в N гостей встречала широкая улыбка: двух и трехэтажные кирпичные коттеджи могли ввести приезжего в заблуждение, что с N все в полном порядке. Что он бодр, здоров, весел и процветает. Поселок, в котором жил весь городской бомонд, с горькой иронией звался в народе Долиной Бедных.

Здесь жизнь была ключом. Начальники словно устроили соревнование: кто больше удивит N. Но тому, похоже, было уже все равно. Микрорайон, именуемый Фабрикой, тянулся вдоль широкой дороги и когда-то был правой рукой N. Он строился при швейной фабрике, крупном и весьма прибыльном предприятии. Но теперь большинство цехов закрылись, микрорайон захирел.

Заводская застава, а в просторечье просто Заводская, левая рука N, выросла вокруг военного завода. Пока не грянула конверсия, новые пятиэтажки сдавались регулярно, раз в год. И снабжение там было лучше, чем везде в городе. Теперь Заводская оказалась рукой отрезанной. Общественный транспорт изо всех сил делал вид, что ее не существует. Но рука жила, сдаваться не собиралась, и каждый рыночный день цепочка заводских тянулась к главной магистрали города, которая вела к рынку.

Был в N и частный сектор. За два века он слился с городом настолько, что они составляли теперь единое целое. Одна деревенька звалась Ольховка, другая – Мамоново. И мамоновские, и ольховские разводили скот, выращивали овощи на прилегающих к домам клочках земли. На этих деревеньках, как на ногах, старых, но все еще крепких, прочно держалось благополучие N. Ни в молочных продуктах, ни в мясе, ни в картофеле недостатка не было.

Мамоновские были крепче, и дома у них получше. Ольховские им завидовали, даже на рынке рядом не вставали. И драки затевали они. Объединяла жителей окраин ненависть к обитателям Долины Бедных. В этом и фабричные, и заводские, и мамоновские с ольховскими были едины, но поделаться ничем не могли. Долина Бедных их просто-напросто не замечала. Или делала вид, что не замечает. За ее презрением скрывались страх и отчаяние. Многие жители Долины вышли кто из Фабрики, кто из Заводской, а кто из Мамоново и Ольховки, и боялись они своего прошлого так же, как и будущего. Ибо каждый день видели остовы недостроенных особняков, обглоданные ветром кости фундаментов. Недаром говорят – как пришло, так и

ушло. И еще – чем выше взлетишь, тем больше падать. А когда весь N только этого и ждет, а потом радуется, как ребенок, больше вдвойне. Но о страхах своих Долина Бедных молчала, в то время как о победах, что больших, что маленьких, звонила во все колокола.

И N все сильнее сжимал кулаки.

Крайний коттедж, один из самых небольших и неброских в поселке, принадлежал старшему следователю городской прокуратуры по особо важным делам Герману Георгиевичу Горанину. Вопросом – откуда? – в N давно уже никто не задавался. Если человек построился, значит, в состоянии объясниться с властями, на какие деньги. А если он – представитель власти, то сам с собой уж как-нибудь разберется. Три года назад Герман Георгиевич объявил о том, что получил большое наследство. Город сделал вид, что поверил. Проверять старшего следователя прокуратуры – занятие небезопасное. До сих пор он считался одним из самых завидных в городе женихов, хотя по возрасту и вследствие особой любви к женскому полу мог уже раз десять стать и мужем, и отцом. Может, отцом-то он и стал, только задавать и этот вопрос Герману Георгиевичу было небезопасно. Роста он был под два метра, сложения атлетического. Горанина в городе любили, хотя поводов завидовать ему было более чем достаточно. Но без него в N поселилась бы откровенная скука, ибо ни о ком так много не сплетничали, как о старшем следователе прокуратуры. С чего бы ни начинался разговор, он неизбежно сводился к подвигам Горанина. Бремя славы Герман Георгиевич нес с достоинством. Женщины N, не стовариваясь, считали его самым красивым мужчиной в городе. А если прибавить к этому наличие машины иномарки, двухэтажного коттеджа и перспективы занять со временем прокурорскую должность, то понятно, что никто не мог взять в толк, почему Горанин до сих пор не женат. В N не нашлось бы женщины, способной ему отказать. Городские чиновники, у которых были дочки на выданье, в очередь стояли, зазывая следователя в гости.

Похоже, что, перебирая красивых и богатых невест, Герман Георгиевич слегка переборщил. Теперь все понимали: это должно быть что-то особенное! Брак десятилетия! Событие, о котором будут складывать легенды! Что-то из ряда вон выходящее, если даже с дочкой мэра у Горанина ничего не получилось, хотя она-то была не прочь. Слухи бродили разные, но правды не знал никто. Даже сам мэр. С Гораниным они и теперь здоровались, но как-то прохладно. Герман Георгиевич изо всех сил демонстрировал свою независимость, он это любил. А мэр помнил о том, что дочка рано или поздно вернется из-за границы, но остынет она к Горанину или нет, неизвестно. Герман Георгиевич обладал поистине магической властью над слабыми женскими сердцами. Ухаживал он широко, любил красиво, а расставался театрально. Так в N не умел больше никто.

В тот холодный апрельский вечер они с другом засиделись допоздна, и никаких женщин на этот раз в гостях у Германа Георгиевича не было. Следователь Горанин и старший оперуполномоченный по борьбе с особо тяжкими преступлениями капитан Завьялов вели разговор по делу. Конкретно по тому, которое в ближайшее время надо было закрыть, написать обвинительное заключение и передать в суд. Горанин на этом настаивал. А Завьялов возражал. Он был одним из немногих, кто мог возражать Герману Георгиевичу. Погодки, оба вышли в люди из Фабрики, пятиэтажные дома, в которых росли Герка и Сашка, стояли параллельно. Окна выходили во двор, по которому целыми днями носились с мячом мальчишки. До десятого класса Герман и Саша играли в футбол в одной команде, потом Завьялов первым поступил в областной университет, на юридический факультет. На следующий год туда же приехал Горанин. За прошедшие вслед за тем двадцать лет Герман дорос до старшего следователя прокуратуры и Долины Бедных, построив там дом, Александр Завьялов так и остался жить на Фабрике, разменяв после женитьбы родительскую квартиру. Окна доставшейся ему однокомнатной выходили на Долину Бедных, на улицу Восточную, первый с краю дом по которой принадлежал лучшему другу.

Отношения Завьялова и Горанина были равными. Один умел тщательно скрывать свои тайные мысли, другой делать вид, что никаких тайных мыслей не существует. Все жители Долины Бедных, если чего не хотели видеть, то и не видели.

Так и не придя к соглашению, друзья немного выпили, чтобы снять напряжение. Так, чуть-чуть, граммов по двести на брата. Выпить Горанин мог много, потому, глянув на недопитую бутылку, потянулся за рюмкой Завьялова.

– Не, не могу, – покачал головой тот и накрыл рюмку ладонью. – Меня Маша ждет.

– А оно помешает? – подмигнул Горанин.

– Чему? – пьяно улыбаясь, спросил капитан. Он был не так крепок на выпивку. А уж если смешивал водку с пивом, то пьянел моментально.

– Процессу. Процессу любви.

– Гора, почему ты не женишься? – лениво спросил Завьялов. – Узаконил бы процесс. А то слухи по городу ходят. Очень неприятные слухи.

– Э, нет! – погрозил пальцем Горанин. – Нет, Зява, не выйдет! Не хочешь мучиться в одиночку? Женильба – первая древнейшая пытка, придуманная людьми.

– Почему мучиться? Я ее люблю.

– Машку? Машку любишь? Да что в ней особенного? Эх, Зява! Если бы ты знал, какие у меня бабы были!

– Слушай, поздно уже. – Завьялов потер ладонями лицо. – Глаза слипаются. Давай о бабах как-нибудь в другой раз? А?

– А о деле? – вполне трезвым голосом спросил Горанин. – Что с делом?

– Чутье мне подсказывает, парень никого не убивал. Ну перепил, отключился, а утром проснулся рядом с трупом. Но не он это. Я чувствую.

– На х... твое чутье. Косвенных навалом.

– А прямых нет.

– Вот я и хочу, чтобы ты мне их нашел. Или собрал столько косвенных, что хватило бы с лихвой на обвинительное заключение. Но лучше прямые.

– А если их нет?

– Надо, чтоб были, – с нажимом сказал Герман.

– Слушай, Гора, я чего-то не понимаю. Мы о людях или о ком?

– Люди, люди... Они о тебе много думают? Вообще не думают. Если я его не посажу, думаешь, спасибо скажет? Он скажет: справедливость, мол, восторжествовала. Не Горанин благодетель, а Господь Бог. Понятно? А что Горанин по шапке получит за очередной висяк, так это его, Горанина, проблемы. А теперь прикинь: если каждый из подсудимых оставит мои проблемы при мне, что будет? Долго я продержусь в прокуратуре? А?

– Не понимаю.

– Ладно, черт с ними со всеми. Ночь на дворе. В понедельник договорим. У меня в кабинете.

– Значит, ты хочешь надавить.

– Да ничего я не хочу, упрямая твоя башка! Я добра тебе хочу, понимаешь? У меня не так много друзей, чтобы ими разбрасываться. Мне с тобой работать легко, ты, Зява, голова. У тебя ума больше, чем у всех нас вместе взятых. И чутье твое... Да верю я! Верю! Только меня сроки поджимают, пойми. Второй месяц заканчивается. Срок предварительного следствия на исходе. Тебе проспать надо, а в понедельник утром мы на трезвую голову все обсудим. Пойдем, я тебя провожу. Там канава. Сосед слева все чего-то роет. Туннель в Америку, не иначе, мать его! К Бушу хочет в гости ездить. На уик-энд. А что? Денег – куры не клюют! Зато мы все ходим, спотыкаемся. Но попробуй скажи, он – директор городского рынка!

– А ты следователь прокуратуры!

– Имеешь в виду, что я могу его посадить? И по этой причине он меня хоть капельку, да боится? – И Горанин расхохотался.

Капитан Завьялов знал, что противостояние закончится так же, как всегда: он уступит. И тайные мысли оставит при себе. Дело отправится в суд, парень – за решетку на длительный срок. Давить друг Герман умел. Еще со школы к нему прилипло это прозвище: Гора. Во-первых, Герман был выше ростом и сильнее всех. Во-вторых, всего в нем было чересчур. И силы, и бахвальства, и уверенности в себе. Противостоять Горе было невозможно.

Самого Завьялова в детстве звали Зявой. Он был почти на голову ниже друга, худой интеллигентный мальчик с некрасивым умным лицом. Хорошо учился, вечерами много читал вместо того, чтобы бегать на свидания с девочками, а по выходным водить их на дискотеки. Теперь багаж его знаний и опыта был настолько велик, что придавливал к земле. И без того невысокий Зява постоянно сутулился, в то время как огромный Герман ходил прямо, расправив широкие плечи. Им бы с Гораниным теперь поменяться местами, того бы на оперативную работу, а капитана – в прокуратуру, да не сложилось. Зяву считали человеком неудобным. Есть такое понятие: молчаливое сопротивление. Зява никогда не поднимал голоса, был, что называется, вещь в себе, и это отпугивало людей. Зяву обходили и симпатией, и должностями. Хотя умнее его человека на оперативно-розыскной работе не было. Капитан Завьялов молча тянул свою лямку, а раз в неделю, под выходные, слушал циничные откровения Германа за бутылкой водки. Зачем ходил к нему? Сам не мог понять. Но продолжал ходить. Странная дружба продолжалась. Зява словно испытывал собственное терпение.

...Они вышли на крыльцо, Герман достал сигареты, предложил другу. Вообще-то Горанин не курил, но в пятницу вечером позволял себе такую шалость. После выпитой водки и выплеснутой из души грязи одна-две затяжки приводили его в состояние, сходное с натянутой гитарной струной. Смог бы зазвенеть, запеть, если попросят. Был месяц апрель, снег растаял, но солнце еще не прогрело землю, по ночам бывали сильные заморозки. До минус десяти. Промороженный воздух звенел словно горный хрусталь. Казалось, любой громкий звук способен разбить его вдребезги. Горанин, немного хмельной, накинув на плечи кожаную куртку, стоял на крыльце без шапки и не спеша, с наслаждением затягивался сигаретой. Темная прядь волос картинно падала на высокий лоб, карие глаза влажно блестели. Холода он не чувствовал. Завьялов невольно поежился: бывают же на свете такие красивые люди! И тоже потянулся за сигаретой. Он курил много, особенно когда нервничал. У Александра Завьялова было потрясающее чутье на неприятности. Вот и сегодня лихорадило. Он ждал, что вот-вот раздастся оглушительный звон, и хрупкая хрустальная тишина в один миг превратится в осколки. Но было тихо. «Почудилось», – подумал он. В отличие от Горанина, холод почувствовал моментально и начал трезветь.

– Пойдем, что ли, – кивнул Герману. – Холодно стоять.

– Ну пойдем.

Когда они вышли за ворота, Горанин споткнулся в темноте и начал материться. Завьялов молча улыбался. Герман выпустит пар и успокоится. С соседом связываться не будет, в этом он осторожный. Потому и положение его такое прочное.

Ночь была безлунной. Дорога впереди не освещена, только в районе Фабрики, у первых домов, – одинокие огни. Завьялов обернулся: над воротами соседнего особняка горел яркий фонарь. Там было светло, и трехэтажный добротный коттедж виднелся, как на ладони. На первом этаже темно, окна на втором светились. Вдруг Завьялов увидел под фонарем человека. Мужчина выше среднего роста, плотного сложения, небритый, узкогубый, замер на мгновение у калитки, потом решительно толкнул ее и вошел во двор.

– Постой-ка, – пробормотал Завьялов. И замер.

– Что? Что такое? – остановился и Герман.

– Этот человек мне знаком. На прошлой неделе была попытка ограбить валютного кассира. Она дала описание. Показали альбом. Женщина без колебаний опознала Косого. Он с месяц назад вернулся из колонии. Выходит, опять за старое. Так вот, мужик, который только что вошел в соседний дом, – Косой.

– Зява, брось! – поморщился Герман. – Это дом директора городского рынка!

– Ну и что? К нему преступник не может зайти? Так, по-твоему? Одного поля ягоды. Пойдем проверим.

– Зява, брось, – повторил Горанин. – Тебе домой надо. Ночь на дворе.

– Ну и что? Это моя работа. – Завьялов решительно повернул к соседнему дому.

– У тебя оружие при себе? – крикнул ему вслед Герман.

Сделав несколько шагов, тот остановился, а потом отмахнулся:

– На работе. В сейфе.

– Ну и куда ты собрался?

– Да вдвоем мы его быстро! Если это, конечно, он.

– Я все-таки пойду возьму ствол, – пробормотал Горанин.

Увидев, что Герман направился к своему дому, Завьялов крикнул:

– Эй, Гора! Ты быстрее давай! А то все лавры мне достанутся! – и рассмеялся.

Он уже представил себе, как задержит сейчас опасного преступника, завтра напишет отчет, получит благодарность, может быть, и премию выпишут. Маша будет довольна. Опьянение еще не прошло окончательно, а нервной лихорадке значения он не придал. В голове пронеслись тысячи самых разных мыслей, но ни одной об опасности. Потому что по большому счету в серьезную переделку капитан Завьялов еще не попадал. До сих пор обходилось.

Пройдя через участок, он решительно поднялся на крыльцо и надавил на кнопку электрического звонка. Повисла долгая пауза. За дверью было какое-то движение. Показалось, что вскрикнула женщина. Завьялов позвонил еще раз.

– Кто там? – раздался наконец испуганный женский голос.

– Откройте, милиция!

– У нас все в порядке, – испуганно сказала женщина.

И Завьялов этот испуг сразу же уловил. И повторил настойчиво:

– Откройте. К вам только что зашел человек. Он находится в розыске. – И обернулся:

– Гора, где ты?

За высоким забором послышались тяжелые шаги. Герман. Теперь все будет в порядке.

И тут капитан увидел ослепительную вспышку. Потом воздух будто взорвался, оказавшись вдруг невероятно тяжелым, его осколки больно обрушились на голову. Так больно, что ослепили и оглушили одновременно. Потом наступила тишина. Такой еще в его жизни не было. Абсолютная тишина, лишенная каких-нибудь признаков жизни. Понял одно: его больше нет. И успокоился.

Но, как потом оказалось, с этим Александр Завьялов поспешил. Ранение оказалось не смертельным.

Новолуние

День первый

Окончательно он пришел в себя только через месяц, до этого все было как в тумане. Да и потом долгое время смотрел на окружающие предметы словно бы со стороны. Другие люди трогали их, переносили с места на место, суетились, говорили что-то. Говорили тихо, точно боялись его побеспокоить. Глупые люди. Все, что происходило, не имело к нему, Александру Завьялову, ни малейшего отношения. Увидев в окне зеленую листву, очень удивился. А как же мороз? Ночные заморозки? В апреле не бывает зеленых листьев на деревьях. Тут он вспомнил, что умер. Потом почувствовал боль. Но у мертвых не болит... Значит, жив. Жив?

У постели с вязаньем в руках сидела женщина. После новой вспышки боли вспомнил, что это жена. Маша. Маша?

– Ма... ша...

– Господи, Саша! – встрепенулась она. И вдруг заплакала: – Ну наконец-то!

Ему показалось, что звук идет, как сквозь вату, которой заткнули уши. Жена едва шевелила губами.

– Что... случилось?

Она молча плакала. Он поднял руку, потрогал повязку на голове. Болит там.

– Нет, нет, нет... – испуганно забормотала Маша, спохватилась, вскочила со стула и выбежала из палаты.

Завьялов растерялся. С трудом вспомнил, как сидели у Германа, потом вышли на улицу. Перекопанная дорога, темнота, фонарь над воротами соседнего дома. Он поднялся на крыльцо и позвонил. Вспышка света. Темнота. И вот теперь дорога в никуда, которая начинается сразу у порога того дома. Он шел по ней долго, но, кажется, так и не дошел до цели. Вернули. Кто? Зачем?

Все несчастья, приключившиеся с ним за последнее время, вспомнил первыми. Год назад умерла после долгой тяжелой болезни мать, отец сошелся с другой женщиной. Оба пьют. Теперь отношения с ними... Да о каких отношениях может идти речь, если бывать у них и пить с ними не хочется? Интересно, не заходили они? Да лучше бы не заходили! Он застонал, закрыл глаза. Не надо бы всего этого. Не надо.

Дверь хлопнула, в палату вернулась Маша. За ней шел человек в белом халате. Лицо его показалось знакомым. Но напрягаться, вспоминать кто это, не хотелось. Ничего не хотелось. Только уснуть.

– Вот, Степан Ильич! Он очнулся!

– Да-а... – несколько растерянно протянул врач.

– Я же вам говорила! Говорила!

– Здоровый организм творит чудеса. Кто бы мог подумать? А? Безнадежный случай.

– Что... это... было? – с трудом выговорил он.

Тот, которого назвали Степаном Ильичем, присел у кровати. Спросил участливо:

– Что-нибудь помните?

– Да. Кажется... В меня стреляли?

– Именно, – кивнул Степан Ильич. – Пулевое ранение в голову. Хорошо, что по касательной. Но... с близкого расстояния. Почти в упор. Снимок дал неутешительный прогноз. Пришлось делать трепанацию черепа. Медицина может вами гордиться.

– Когда? – прохрипел он. – Когда... это... было?

– В середине апреля. Почти месяц назад. Сейчас май на дворе. Все это время вы были без сознания.

«Неправда! Я все о вас знаю, все видел и все помню!»

– Сейчас вы в реанимационной палате. Честно сказать, никто не ожидал. Но... Хороший уход, здоровый организм... Жене спасибо скажите.

– А вам?

– Мне... Это моя работа.

«Это моя работа», – вспомнил вдруг он. Теперь только понял, как же все это глупо. И далеко. Далеко и глупо. Герман прав. Герман...

– Где Герман?

– Что? – зашевелила губами жена.

– Почему... Почему ты так тихо говоришь? Почему вы все так тихо говорите?

Они переглянулись. Заметил тревогу в глазах жены. Что-то с ним не так. И где Герман?

– Саша, тебе надо отдохнуть, – заботливо сказала жена.

Он и сам чувствовал, что устал. Маша взяла шприц, вновь переглянулась с доктором. Тот еле заметно кивнул. Укола не почувствовал, голова болела сильнее. Потом любимая темнота приняла в свои прохладные объятия. Жаль, что теперь она лишена абсолюта. В ней появились звуки. И золотые мухи. Они мелькали, суетились, жужжали и не давали забыть. Иногда жалили. Больно.

Проснувшись, вновь увидел солнечный свет и зеленые листья. День продолжался. Время для человека здорового и человека больного течет по-разному. У больного оно раскалывается на две части: до болезни и после. Та, что после, сливается в сплошную полосу. Неделяющуюся на временные отрезки. Весь ее смысл – вернуться к нормальной жизни. К той, что была до болезни. Той, в которой есть дни недели, часы, минуты...

В какой-то момент этого бесконечного дня в палате появился Герман и целиком заполнил ее маленькое пространство. Большой, шумный, веселый. Или кажущийся веселым? Принес фрукты, конфеты, минеральную воду и принялся раскладывать все это на тумбочке. Маша молча следила за ним. Не хотелось бы поймать ее взгляд. Герман был все также красив. Светлая рубашка оттеняла золотой загар, губы, как всегда, с началом весны и тепла потемнели, словно на них запеклась кровь.

– Ему нельзя конфеты, – сказала Маша.

– Ты съешь, – широко улыбнулся Герман. – Женщины любят сладкое.

Маша покраснела. Завьялов застонал. «Ну зачем все это? Зачем?»

– Что, Зява, болит? – заботливо спросил Герман, присев у кровати.

Маша отошла к окну. Но из палаты не ушла. Он бы на ее месте сбежал, рядом с Германом ни одна женщина не может чувствовать себя в безопасности.

– Расскажи, – попросил он.

Горанин все понял. Заговорил неторопливо, явно подбирая слова:

– Понимаешь, какая штука вышла. Косой решил вытрясти из моего соседа деньги. Как-никак директор рынка! Хотел нагреть ночью, прижать его маленько и расколоть на кругленькую сумму. Ворвался в дом с оружием... А тут мы.

– Это он так говорит? – спросил, поморщившись.

– Кто он?

– Директор. Рынка.

– Ну да. А есть основания ему не верить? Нет оснований, – весело сказал Герман.

– Значит, ты его взял? Косого?

– Да видишь ли... Ушел он.

– Как так? – спросил вяло.

– Я выстрелил. Но не попал. Разнервничался. Из-за тебя. Мне в тот момент важен был ты, понимаешь? Если бы тебя вовремя не доставили в больницу...

– Благодетель, – криво усмехнулся Завьялов.

– Думаешь, я испугался? – Горанин расправил широкие плечи. – Да я этого Косого из-под земли достану!

– Надо было тогда... целиться лучше.

– В городе говорят, что Герман Георгиевич – настоящий герой, – вмешалась Маша. – Спас семью соседа. Они ему так благодарны! Ты себе даже не представляешь! И еще Герман Георгиевич теперь везде ходит с оружием. На него ведь могут напасть! – Жена испуганно округлила глаза.

Маше недавно исполнилось двадцать пять лет, Горанина, которому через два года должно было стукнуть сорок, она называла по имени-отчеству: молва о его подвигах уже витала по городу, когда Маша Завьялова еще училась в школе.

– Как все это... неприятно. Да, неприятно, – выдавил он. И тут же подумал: «Я его ненавижу».

– Что, Саша, плохо? – встрепенулся Герман. – Вижу: плохо. Знаешь, я, пожалуй, пойду, не буду тебе мешать. Вам. – И посмотрел на Машу. Маша покраснела.

Заметил, что жена упорно не смотрит Горанину в глаза. Если бы он, Зява, был женщиной, выдержал бы он его взгляд? Вот Германа смутить невозможно, в этом его сила. Когда Герман смотрит на женщину, взгляд у него ласкающий и наглый. В нем не просьба, а приказ. Александр застонал, сжав зубы.

– Уходи, – сказал, отвернувшись к стене.

– Вижу, ты не в себе, – поднялся со стула Герман. – Но ничего, пройдет.

Понял уже: не пройдет. Вот он, Герман Горанин. Здоровый, красивый. И – герой! Надо же! Ему все сходит с рук! Ведь это ложь от первого до последнего слова! Если бы в дом директора рынка ворвались, угрожая оружием, были бы слышны крики! А было тихо. Он прекрасно помнит, что было тихо. До того, как хрусталь морозного апрельского воздуха вдребезги разбил выстрел.

– Проводи меня, – велел Горанин Маше.

– Останься, – попросил Завьялов.

– Сашенька, мне надо зайти к Степану Ильичу, – ласково сказала Маша и вслед за Германом вышла из палаты.

Вот так. Хоть ты умри здесь. Не умер. Ни в тот день, ни после. А в середине лета его выписали из больницы.

День второй

Сумерки его жизни продолжались. Диагноз, с которым выписали, оказался неутешительным. Долго изучал медицинскую карту, пытаясь разобрать каракули врачей. Те словно соревновались в отвратительности почерка. Растолковала Маша, которая работала в той же больнице медсестрой.

– Ты больше не можешь работать в милиции, Саша. Ты больше вообще не можешь работать, – сказала жена.

Приговор медиков потряс до глубины души:

– Как так?

– Тебе надо пройти медкомиссию.

– Да меня каждый день врачи осматривают! До дыр уже засмотрели! – неловко попытался пошутить он.

– Ты не понял. Тебе надо пройти ВТЭК.

– Что сие значит? – наморщил он лоб.

– Консилиум врачей, который определяет, может ли человек работать, – осторожно сказала Маша и поспешила добавить: – Я уже обо всем договорилась. И Герман Георгиевич... – Она вдруг запнулась.

– То есть... Ты хочешь сказать, что...

Он боялся выговорить это вслух. Ему ведь и сорока еще нет!

– Не надо волноваться, Саша. И с этим люди живут.

Он подошел к зеркалу. Повязку уже сняли, на обритой голове отрастал седой ежик волос. Седой... Потрогал шрам и невольно поморщился. «Не болит, но отчего же так не по себе?» Вслух сказал:

– Я чувствую себя абсолютно здоровым.

Жена вздохнула.

Процедура, которую пришлось пройти, была отвратительна. В коридоре сидели люди, много людей. Оказалось, что на комиссию, которая дает группу инвалидности, огромная очередь. Даже безрукие и безногие должны приезжать сюда каждый год, как будто ампутированная конечность со временем могла отрасти. Маша, знавшая членов комиссии по работе, договорилась, чтобы его приняли без очереди, но он воспротивился:

– Почему это больные должны весь день торчать здесь, в коридоре, а я, здоровый, идти вне очереди? Нет уж, я хочу быть как все, – упрямо заявил он.

– Меня-то хоть пожалей, – покачала головой Маша. – Мне же в ночь дежурить.

– А ты можешь идти. Я сам.

Жена не ушла. Сидели вместе до конца, до того момента, когда его пригласили в кабинет. О том, что стал глуховат на оба уха, он догадался уже давно. Но научился определять по губам, о чем говорят люди. А будучи человеком упорным, надеялся со временем развить эту способность до совершенства. Тренировки и напряженная работа ума уже приносили плоды.

Но врачи оказались хитрыми. Велели ему отвернуться, а потом оказалось, что в это время говорили какие-то слова, проверяя его слух. Говорили тихо, и он ничего не услышал.

– А как вообще себя чувствуете? – спросил председатель комиссии.

– Я абсолютно здоров.

– Голова не болит?

– Нет.

– Бессонница не мучает?

Их нельзя было обмануть. Выйдя из больницы, он столкнулся с этим чудовищем, которое не убивало сразу, но и не давало покоя. Утром вставал разбитый, хотелось спать. Ложился снова, закрывал глаза – и начинались мучения. Усталость накапливалась, перерастая в раздражительность. Борьба с этим становилось все труднее и труднее.

– Вы нездоровы, Александр Александрович, – ласково сказал председательствующий. – Вам надо годок-другой отдохнуть. Выйдите, пожалуйста, мы посоветуемся.

Ему дали вторую группу. Оказалось, что получить ее не так-то легко, и многим, которых он посчитал бы действительно больными, отказывали.

Маша же откровенно обрадовалась:

– Вот видишь, Сашенька, как все хорошо! Ты будешь получать пенсию. Да и Герман Георгиевич обещал помочь. Ты столько лет прослужил в милиции, что...

– Я хочу работать.

– Будешь работать. Через год.

...Утром следующего дня он отправился к Горанину. Знакомый охранник, сидевший на проходной, отвел глаза. Потом потянулся к телефону внутренней связи.

Все-таки, Герман его принял. Не струсил. Но глаза прятал:

– Как дела? Как здоровье? Как Маша?

Горанин поправил галстук. Костюм сидел на нем ладно, – ни складочки, ни морщинки. Герман был сложен наподобие греческого бога или титана Прометея, только ему-то никакой орел не клевал ночами печень. Будь Герман Горанин Прометеем, люди и по сию пору сидели бы в пещерах без огня.

– Меня уволили с работы.

– Отправили на пенсию по состоянию здоровья, – мягко поправил Герман.

– Ты считаешь, это справедливо?

– Побойся Бога, Саша. Ты хорошую пенсию будешь получать. Подумай сам, на работу не вставать, в засадах не сидеть и голодать-холодать не придется.

– Замолчи! Не надо всех равнять с собой! Я знаю, как ты относишься к работе, к людям!

Они для тебя мусор! Да ты после всего случившегося ко мне и близко не подойдешь!

– Я ходил к твоему начальству, – спокойно сказал Герман. – К прокурору ходил. И даже к мэру. Чтобы засчитали твое ранение как полученное на боевом посту. Тебе дадут выходное пособие. Это большие деньги. Ну и благодарность в приказе. В газете про тебя напишут. – Он помолчал. – У тебя в сейфе лежит оружие. Пойди оформи все как полагается.

– Ты-ы...

Завьялов дернулся, таким сильным оказалось желание что-нибудь сделать с Германом. Задушить или, на худой конец, просто ударить. Горанин перегнулся через стол, захватил его руки. – Спокойно, Саша, спокойно. Все в порядке.

Хватка была железная. Держал долго, пока глаза у друга не погасли.

Когда дыхание Завьялова выровнялось, отпустил его руки:

– Ну, все?

– Почему ты со мной не пошел?

– Я вернулся за «Макаровым». Только идиот мог пойти на матерого рецидивиста без оружия. Ты потерял осторожность.

– А ты совесть.

– Ладно, можешь ругаться, – миролюбиво сказал Герман. – Я же все понимаю. Обещаю, помогу, чем могу. Ну ты подумай, дурачок, нормально все устроилось. Хорошие деньги будешь получать, у нас в городе зарплата у многих меньше, чем твоя пенсия. А через годик подыщу тебе непыльную работенку.

– Где?

– Придумаю что-нибудь. Ну, все?

– Ладно. Мне уже лучше.

– Пойди сдай оружие.

– Черт бы тебя...

– Не беспокойся, он обо мне уже позаботился, – грустно сказал Герман. – Так что ты особо не напрягайся.

Завьялов подумал вдруг, что Горанин никогда не был откровенным до конца. Даже в рассказах о том, как приходилось выкручиваться и приспосабливаться к обстоятельствам, он все равно выглядел героем. Вот, мол, как я могу. А ты не можешь. И сага о любовных похождениях наталкивала на ту же мысль. Понять, что у него на душе, было невозможно. Притом, что каждый его шаг тут же становился известен всему городу, Герман оставался самой большой загадкой в Н. И чего он пошел к мэру? Ведь, по слухам, осенью должна была вернуться из-за границы мэрова дочка. Могла бы остаться там, у дедушки – профессора, но почему-то возвращается?

Горанин обладает какой-то неведомой притягательной силой. Вот ведь и завидуешь ему, и ненавидишь, и презираешь тайком, но, очутившись рядом, неизменно попадаешь под его влияние. Словно гигантское космическое тело, он не только притягивает, но и удерживает тебя на заданной им орбите.

Оружие Завьялов сдал и на некоторое время успокоился, затих. Врач-невропатолог, к которому отвела жена, выписал ему несколько рецептов. Разложив перед собой коробочки и пузырьки, Александр усмехнулся: действительно, больной! И убрал таблетки в ящик стола. Вскоре их нашла Маша:

– Почему ты не принимаешь лекарства?

– Потому что не хочу.

– Ты делаешь невыносимой не только свою жизнь, но и мою, – тихо сказала жена.

Отношения их и в самом деле осложнились до предела. А когда-то была любовь. У Маши это был второй брак. В восемнадцать выскочила замуж за такого же юнца, и полтора года мальчик и девочка играли в семью. Пока позволяли родители. Потом у тех кончились деньги и терпение, Маше, уже получившей диплом медицинского училища, пришлось пойти на работу, а муж, еще не окончивший институт, оставшись один на один с горой невымытой посуды и грязного белья, откровенно струсил. Через месяц семейная жизнь кончилась.

И славился своими женщинами. То ли воздух или вода здесь были особенными, то ли коровы давали особенное молоко, но красавиц в городе хватало. И выйти замуж, тем более по второму разу, было не так-то просто. Маша была девушкой симпатичной, но, как правильно отметил знающий толк в женщинах Герман, «ничего из ряда вон». Милая, тихая, скромная.

После развода она вернулась к родителям. С Александром Завьяловым скромную медсестричку Машу Круглову свел Его Величество Случай. Случай неприятный: у Кругловых обокрали находящийся рядом с домом сарай. Надо отметить, что за всю историю города N в нем не совершалось бессмысленных кровавых злодеяний, маньяков не водилось. Все, что ни происходило, попадало под категорию «на бытовой почве». На бытовой почве зять выбрасывал зловредную тещу из окна, на бытовой почве перепившийся мужик, повздорив, топором в лапшу крошил собутыльников, на бытовой почве в результате пьяной драки несколько подростков попадали в больницу. Все зависело от количества и качества выпитого. И воровство на дачах, и вскрытие сараев с припасами на зиму было делом обычным. К выпивке, как известно, нужна закуска.

Вот в ГУВД Маша и столкнулась с капитаном Завьяловым. Заметив симпатичную девушку, заглянул к коллеге, снимавшему показания. Застенчивый капитан Завьялов сразу понял, что лучшей жены ему не найти. Не девица уже, замужем побывала, одета неброско, значит, без больших запросов. Сказала, что отпросилась с работы, значит, на шее сидеть не будет. Семья есть семья: от каждого по способностям, всем по потребностям. У кого меньше потребностей, тот и внакладе.

Завьялов был уже не мальчиком, человеком серьезным. Обжегшись по молодости пару раз, в любовь давно уже не верил. А друг Герман говорил так:

– Любовь к женщине, которую знаешь много лет, со временем проходит. Но остаются уважение, благодарность и привязанность. Привязанность к памяти о тех годах, которые прожили вместе, уважение – за то, что она сумела остаться Женщиной, благодарность – за то, что столько лет мучилась с тобой и терпела.

Герман умел говорить правильно и красиво, когда того хотел. А рубахой-парнем, употребляющим матерные и жаргонные слова, только притворялся. Завьялов давно уже раскусил его, хотя причины такого поведения понять не мог. В Германе благополучно уживались два человека, такие разные, что приходилось только удивляться. Недаром же он родился под знаком Близначев.

– Ты-то откуда все это знаешь? – вздохнул Завьялов. – Ты ж никогда не был женат!

– По-твоему, все дело в штампе, который ставят в паспорте? Вот это самая большая глупость, на которую способен мужчина.

Штамп в паспорте Завьялов поставил вопреки мнению друга. И Машу полюбил уже после того, как стал ей благодарен за оказанное доверие. Жили они хорошо, но с детьми решили не

спешить. Когда все наладится, тогда и случится. И вот теперь случилось. Только не наладилось, а развалилось. Он не признавался себе в том, что раздражительность – следствие отказа от приема лекарств. Все дело в бессоннице. Нервничая, он начал много курить. Маша возмутилась:

– Что ты делаешь?! Тебе же нельзя!

– А что мне, вообще, можно? Пить, как я понимаю, тоже нельзя. Работать нельзя. Что дальше? В чем смысл моей жизни?

Маша была не настолько умна, чтобы рассуждать о смысле жизни вообще и его в частности. Она была простой русской женщиной, которой откровенно не повезло в первом браке, а теперь разваливался и второй. Она умела молчать и терпеть, – качества в нашей жизни самые ценные. Но терпеть проще на расстоянии. И Маша стала чаще дежурить в больнице по ночам. Он же начал ее ревновать. Когда первый раз появился ночью в больнице, Маша обрадовалась. Во второй, насторожилась. А после пятого спросила:

– Ты что, меня проверяешь?

– С чего ты взяла? – пробормотал он.

– Неужели ты думаешь, что я способна тебя бросить вот такого... такого... – она замялась, а он моментально вышел из себя.

– Больного, да? А если бы я был здоров? Ушла бы, да? Ну, скажи!

– Саша, перестань.

– Ты либо прячешься от меня, либо...

Он боялся произнести вслух свое подозрение, что у Маши появился любовник, поэтому, громко хлопнув дверью, выскочил на улицу.

Городская больница находилась на самой окраине N, на пересечении двух дорог. Одна огибала Фабрику, другая вела в Долину Бедных. От дома, где жили Завьялов и Маша, до больницы было минут пять-семь быстрым шагом и столько же от нее до коттеджа, в котором жил Герман. Завьялов, выйдя от Маши, направился было к нему, но передумал и развернулся на полпути. Ничто теперь так не выводило его из себя, как вид благополучного и здорового друга, который благоразумно не полез под пулю в отличие от глупого и безрассудного Зявы.

«Мне надо чем-то себя занять, – думал он по дороге к дому. – Иначе можно запросто сойти с ума». Денег им с Машей хватало. Даже оставалось, и они открыли счет в банке. Жена работала сверхурочно, хватаясь за любую возможность подработать, он получил солидную сумму при отставке, да и ежемесячные выплаты были по максимуму. Не многие пенсионеры в городе столько получали. Завьяловых теперь считали людьми зажиточными, он даже начал чувствовать скрытую неприязнь фабричных. От бедности и безысходности люди невольно обесценивали такие вещи, как здоровье, любовь и тихое семейное счастье. Зато деньги, которых ни у кого не было, возводились в культ.

Завьялов понимал, что в этом нет их вины. Сам он к деньгам стал равнодушен. И к неприязни окружающих тоже.

По ночам, мучаясь бессонницей, он пытался разобраться в случившемся и приходил всегда к одному и тому же. «Господи, прости их, – произносил мысленно, глядя за окно, в темноту. (С тех пор, как побывал по ту стороны жизни, стал тайно верить в Бога.) – Господи, прости! Ибо они как дети. И как детям, им хочется конфет. А достается только черный хлеб и слезы. Слезы...»

Так было и в ту ночь: он мучился бессонницей, а утром встал, доехал на автобусе до центра и в городском универмаге купил краски.

День третий

Его рисунки Маше не понравились. Поначалу она обрадовалась, что муж бросил хандрить и с упоением предался новому увлечению. Но однажды, увидев одну из акварелей, невольно вздрогнула:

– Саша, что это?

– Темнота, – коротко пояснил он.

– Темнота? – удивленно переспросила жена.

Да, черного цвета на альбомном листе хватало. Но фон был весь испещрен какими-то точками, черточками и кружками. Она смотрела и не могла понять. Так и сказала растерянно:

– Я не понимаю... Ребенок нарисовал бы лучше.

– Чего тут не понять? – разозлился он. – Это моя мечта! Дай сюда! – И вырвал рисунок из ее рук.

Мечтал он теперь только о сне. И рисовал сны. Те, которых не было. Долго гулял, пытаюсь устать настолько, чтобы вечером упасть замертво и провалиться в забытие. Падал, но не проваливался. Но сдаваться не собирался. Когда-нибудь это должно было кончиться.

Бродя по улицам, Завьялов приглядывался к людям, заходил без особой нужды в магазины, кафе, на почту, в Сбербанк и впитывал все как губка. Учился читать по губам, что говорят, но наряду с этим научился слышать не только слова, но и мысли. Оказывается, люди думали не то, что говорили, и движения губ их выдавали.

У человека, утратившего хотя бы наполовину одно из пяти чувств, взамен развивается интуиция. Тот, кто не может слышать или видеть, невольно пытается угадать. И временами он более близок к истине, чем тот, кто обладает слухом и зрением идеальным.

Во время одной из прогулок он увидел красивую машину. Такая была у Германа. Серебристая иномарка, формами напоминающая хищную рыбу со спойлером вместо хвоста. Попав на сушу, она не задыхалась, напротив, нахально грелась на солнце, подставляя дневному свету гладкие бока, и ему до смерти захотелось разбить ее и выпотрошить. Герману должно быть от этого больно.

Он прошел мимо, но мысль о машине не давала покоя. Хотел закурить, но вспомнил, что дал слово жене. Дома все ходил взад-вперед, нервничал. Собиравшаяся на дежурство Маша сказала взволнованно:

– Саша, да на тебе лица нет! Что случилось?

– Ничего. – Он скрипнул зубами.

– Нет, так дело не пойдет. Выпей лекарство, увидишь, тебе сразу станет лучше. Один раз. Ради меня.

– Ну хорошо, – согласился он и послушно проглотил две таблетки снотворного.

Маша ушла на работу успокоенная, уверенная в том, что ночью муж не будет страдать. Он действительно спал. Но спал беспокойно. А утром первым делом взял папку с ватманом, достал чистый лист и начал рисовать.

На этот раз темнота подарила образ. Искореженная машина с разбитым лобовым стеклом жалобно смотрела на него выбитым оком правой передней фары. Огромная рыбина словно попала в схватку с другой такой же хищницей и потерпела сокрушительно поражение. Он ведь так этого хотел! Подумал вдруг – что будет, если Маша увидит рисунок. Его фантазии перешли границы дозволенного. Спустившись вниз, он отошел подальше от дома и, скомкав акварель, выбросил ее в мусорный контейнер. Вдохнул с облегчением – ну, вот и все. И запретил себе об этом думать.

Но однажды, совершая свою обычную прогулку, решил вдруг, что напрасно избегает той улицы, на которой видел серебристую иномарку. Боль прошла, насолить Герману уже не хоте-

лось. Он теперь то любил его, то ненавидел. Был день, когда восхищался ловкостью друга, был день, когда готов был того убить.

Сегодня ярко светило солнце, сентябрь подходил к концу, и все понимали, что после вспышки тепла наступят долгие сумерки осенних холодов. Все спешили насладиться хорошей погодой, пока не зарядили дожди. Он шел по улице и улыбался. Ненависть – это сумерки, а солнечный свет рождает любовь. Круглый год в городе N гуляли ветра, невольно вызывая в людях тревогу, сегодня же было безветренно и тихо. Совсем как в ту ночь, когда стояли на крыльце с Германом.

И тут он увидел машину. Ту самую машину, которая недавно сияла и радовала глаз. Теперь машина была разбита. На лобовом стекле – дыра, от которой паутиной расходились трещины, фары выбиты. Точь-в-точь, как на его рисунке. Он замер, не в силах отвести взгляд. Объяснение было только одно: кто-то нашел его рисунок. И воплотил жестокие фантазии в реальность.

Сидевшие на лавочке женщины вдруг оборвали беседу. Догадался, что из-за него. Пришлось подойти поздороваться.

– Ничего, если я посижу здесь и покурю? – спросил, доставая из кармана пачку «ЛМ», купленную тайком от жены.

– Чего ж, сидите, – переглянулись они.

Его, родившегося и выросшего на Фабрике, здесь знали все. Представляться было не надо. Женщины заговорили о здоровье, потом перекинулись на местную милицию. Он понял, что в этом подъезде живет любовница сотрудника ГАИ. Одного из больших начальников. И что по ночам тот оставлял машину у дома, нисколько не опасаясь. Ведь все в городе знали, чья это машина. Покуситься на нее мог разве что сумасшедший.

– Той ночью-то как сигнализация завоет! – пожаловалась одна из женщин. – В трусах из дома выскочил! Сама видала. Да куда там! Пока с пятого этажа спустился, тот-то уже убежал.

– Быстро он ее, – счастливым голосом сказала ее собеседница.

– Ломом раздолбал. За пять минут. Ломик-то здесь же и валялся.

– Ругался, небось, начальник?

– У-у-у! Матерился, страсть! А Верка-то как рыдала! Она ведь его сколь времени заманивала! С женой хотела развести. Почитай с неделю уж у ней ночевал. Но теперь – все. Как отрезало. По бабе бы так не убивался, как по машине.

– Что баба, – вздохнула женщина, – сегодня одна, завтра другая.

– Не пойму, что в Верке они находят? Я тебе, знаешь, что скажу...

Сплетница понизила голос, но по движению губ он понимал все. Затянулся глубоко, сделал безразличный вид.

– ... сам Горанин.

– Ну-у-у?

– Я тебе говорю. Был он здесь. Точно.

– Может, не он?

– Ну разве нашего Германа с кем-нибудь спутаешь? Ему бы, шельмецу, в киноартисты, а не в следователи. Я, как увижу, прямо обмираю! А он, ты подумай, к Верке шастает! Когда на мэровой дочке запросто мог жениться! А Верка-то – разведенка! И годков ей... Дай прикину... Да постарше Германа будет! Машины у них похожи.

– У кого? – не поняла собеседница.

– У гаишника этого и у Горанина.

– Так, может, кто перепутал?

– Может, и перепутал. У нашего Германа ненавистников много.

У него перехватило дыхание – не в бровь, а в глаз! Но тут одна из кумушек всплеснула руками:

– Ой! Сериал же начался! Заболтались мы с тобой!

– Пойдем ко мне, муж-то аккурат опосля сериала с работы придет, я уж привыкла. Как по часам сверяюсь. А потом мы на дачу. Тебя не подвезти?

– Спасибо, выручите. Капуста-то еще сидит.

– Да и мы по капусту. Только не рано ли? С месяцок бы еще посидеть.

– А говорят, у соседей половину кочанов уже срезали. Надо бы поспешить.

– Да что ты?!

Продолжая обсуждать животрепещущую тему, воровство на дачах, обе направились к подъезду. Он нагнулся, чтобы завязать шнурок, и тут увидел это. Ломик, о котором говорили женщины. Кто-то засунул его под лавку да так там и оставил. Вытащив ломик, повертел его в руках. Гм-м-м... Что-то знакомое. Вещицу эту он уже держал когда-то в руках. Знакомая вещица...

Его размышления были прерваны вышедшим из-за угла дома человеком. Высокий широкоплечий мужчина, насвистывая, направлялся к разбитой машине. Его темные волосы ласково трепал ветерок, накинутая на плечи кожаная куртка подчеркивала ладность мощной фигуры. Так выглядеть и вести себя мог только один человек в городе – Герман Горанин. Пришлось быстренько зайти в подъезд и уже оттуда понаблюдать за ним. Тот подошел к машине, потрогал разбитую фару. Потом присел на корточки, осмотрел бампер, поднявшись, внимательно стал разглядывать лобовое стекло.

На улице было тихо и безлюдно: популярный сериал уже начался. Оглянувшись по сторонам, Герман Горанин подошел к лавке и заглянул под неё. Когда распрямился, лицо у него было озадаченное.

– Не это ищешь? – спросил Завьялов, выходя из подъезда.

Герман вздрогнул:

– Зява, ты? Что ты здесь делаешь?

– Гуляю. Прогулки на свежем воздухе полезны для моего здоровья, – усмехнулся он. – Разве не так?

– В общем-то...

Герман выглядел растерянным. И не отводил глаз от ломика в его руке.

– Так ты это ищешь? – Александр качнул тяжелой железкой.

– В общем-то... Да. Это.

– На. Возьми.

– Откуда он у тебя? – с опаской спросил Горанин, не притрагиваясь к ломик.

– Нашел. Под лавкой.

– А зачем ты туда полез?

– Шнурки хотел завязать. Гляжу – он лежит. Думаю, хорошая вещь, в хозяйстве пригодится. А ты здесь какими судьбами? Вроде бы должен быть на работе. Это я человек свободный.

– Да вот, проходил случайно, – растерянно пробормотал Герман, но потом быстро взял себя в руки: – Решил посмотреть, не осталось ли здесь еще каких-то вещдоков. Владелец машины рвет и мечет. Скандал устроил у меня в кабинете. С ним надо осторожно: большой начальник.

– Ну да. Ты с такими не ссоришься.

– А тебе, как я вижу, не полегчало, – мрачно сказал Герман.

– Ты ломик-то возьми. И думай, кому можно врать, а кому нет. Ты ж старший следователь, вещдоки собирать и носить их к эксперту – не твоя работа.

Горанин взял железку, взвесил ее в руке.

– Что, тяжеленькая? – усмехнулся Завьялов. – Такой если садануть по башке, мало не покажется? А?

– Слушай, ты бы шел домой. Все люди сериал смотрят...

– Да уж с тобой ничто не сравнится, никакие сериалы. Ты – самый главный в городе сериал. Сто серий, и все про любовь. Какая им в жарких странах и не снилась. Вот и к Верке ходишь по ночам. С большим начальником бабу делишь.

– Кто сказал? – зло выпалил Герман.

– Засекли тебя. Так что ты того, осторожнее. Говорят, мэрова дочка на днях возвращается.

– Ты бы не лез не в свое дело, Зява, – нахмурился Горанин.

– Что, и на свадьбу не позовешь?

Герман быстро с собой справился. Сказал миролюбиво:

– Что ж ты в гости не заходишь? Я все жду, жду...

– А я тебе теперь нужен?

– Ты мне всегда нужен.

Взгляд у Горанина был чист, как у ребенка, карие глаза ласково сияли. Если бы он не был таким великим актером, перессорился бы уже с доброй половиной города. Но даже несмотря на многочисленные романы с чужими женщинами до сих пор обходилось.

– Ладно, зайду как-нибудь, – кивнул Александр. – А сейчас пойду. Сериал смотреть. Мое дело пенсионерское. А тебе ж, друг Герман, на работу надо. Так?

– Да. На работу, – эхом откликнулся Герман.

– Ну, давай.

Завьялов вяло пожал Горанину руку. В другой тот держал ломик. Зимой сам он таким же разбивал ледяную корку, очищая дорожку к сараю. Теща как-то поскользнулась и сломала ногу, подобного решили больше не допускать. А однажды он видел, как таким же ломиком орудовал Герман. Ворота его гаража заледенели, чтобы открыть их, надо было потрудиться, но Горанин справился со льдом в два счета, силы в нем было не меряно.

Такие ломики были почти в каждом доме. Любой автовладелец держал их в багажнике: зимы в Н снежные, частые оттепели перемежаются с лютыми морозами. Лед намерзает у порогов многоэтажных домов, и во избежание несчастных случаев городская администрация издала распоряжение: колоть и убирать.

Как бывший оперативник Завьялов знал: здесь ничего не поймаешь. Если человек покусился на машину такого большого начальника, да еще и сотрудника ГАИ, значит, был либо очень уж уверен в собственной безнаказанности, либо сошел с ума. Ловить что суперменов, что сумасшедших – занятие практически безнадежное. За первым – сила тугого кошелька и большой должности, за вторыми – непостижимость и нелогичность безумия. Какая выгода разбивать машину? Никакой! Если б угнали, тогда другое дело. Вора поймать гораздо проще.

Чутье подсказывало: все только начинается. Если бы найти тот рисунок! Если бы найти...

Герман уходил, беззаботно насвистывая.

День четвертый

Прошло какое-то время, и погода испортилась. Начался октябрь. После светлой, солнечной полосы наступила темная, не делящаяся на временные отрезки. Просто ПОЛОСА. Еще один долгий день бесполезной теперь жизни, только на этот раз пасмурный, мрачный. Настроение Завьялова сильно зависело от капризов погоды. Он стал брюзжать, раздражаться. Самое ужасное, что не мог с собой справиться. Ну не мог, и все тут!

Маша молчала. Разговор их теперь сводился к фразам, в быту необходимым: «Есть будешь?», – «Буду» или «Нет, не буду», «Я уйду на работу», – «Хорошо». Если бы хоть один из диалогов они попытались развить, все окончилось бы ссорой.

Например:

– Я уйду на работу.

- Ах, ты намекаешь на то, что мне никуда не надо! Что я бездельник!
- Перестань цепляться к словам!

На то, чтобы до этого не доводить, ума у жены хватало. Она уходила молча, приходила, когда он еще спал. Вернее, валялся в постели. Из всех удовольствий, доступных простому человеку, это самое безобидное. А еще сон. Но со сном были проблемы. Он боялся увидеть в очередном сне что-нибудь отвратительное. Например, разбитую витрину. В последние дни это стало навязчивой идеей. В магазине мужской одежды давно уже висел костюм. Серый, из плотной немнущейся ткани в мелкий рубчик. Заходил туда как-то с Машей и модную вещь отметил. Потом магазин отремонтировали, продавцы оформили новую витрину и выставили костюм там. Манекен напоминал Германа, правда, был слишком уж худощав, хотя в правильных чертах лица прослеживалось сходство. И в том, как сидел на манекене костюм – ни единой морщинки. Костюм стоил очень дорого, но Александр прекрасно знал, у Германа такой есть. И костюм, и галстук. Одежду ему подбирали в этом магазине. По слухам, одну из молоденьких продавщиц Горанин не обошел своим вниманием.

Теперь мимо этого магазина Завьялов не мог ходить спокойно. Хотелось взять камень и запустить им в красивое лицо Германа, или в того, кто казался ему Германом. Ненависть на этот раз затопила берег души, не оставив ни единого сухого клочка. Он ею просто захлебывался.

Очередная стычка с Машей произошла из-за сигарет.

- Ты бросишь, наконец, курить? – возмутилась жена.

После истории с разбитой машиной он вновь подсел на сигареты и стал курить еще больше.словно изголодавшийся, набросился на никотин. Маша проявила характер: выкинула все сигареты. Ссориться он не стал. Что толку? Жена права, курить ему нельзя. Заботится о его же здоровье. А о душе кто позаботится?

Чтобы забыться, вновь выпил снотворного. Не слышал, как ушла жена, так крепко уснул. Очнулся часа в три ночи, включил свет и нашел папку с листами ватмана. Ему до смерти захотелось нарисовать разбитую витрину. Ну просто сил не было! И он это сделал. Теперь в витрине лежал растерзанный манекен. Раздетый. Удовлетворенный, он положил рисунок на стол, лег в постель и вновь забылся. Стало вдруг так легко! Дело сделано. Герман теперь не будет ходить таким пижоном. Почему-то возникло чувство, что этим рисунком здорово тому насолил.

Разбудил его аромат кофе. С ночного дежурства пришла Маша, значит, скоро будет завтрак. Он почувствовал голод и вскочил с постели. Краем глаза отметил, что рисунка на столе нет. Нет? Должно быть, жена выбросила. Такое отвратительное искусство нельзя держать в доме. Разбитая витрина, поломанный манекен, словно мертвец. Похоже на действия какого-нибудь маньяка. Бр-р-р...

Увидев его в дверях кухни, жена не смогла скрыть испуг.

- Что? Что такое? В чем дело? – разозлился он.

– Нет, ничего.

– Почему ты пьешь кофе? Ты же с дежурства! Легла бы да поспала.

– Я... Мне надо к маме.

– К маме? А что с ней такое?

– Ничего. Просто давно не была.

– А позвонить нельзя? – буркнул он.

– Мы живем в нескольких минутах ходьбы друг от друга, а я вот уже месяц отделяюсь звонками. Это нехорошо, Саша.

– Ты хочешь сказать, что я эгоист? Завладел твоим вниманием целиком и полностью, так? Но твоя мама не инвалид. Здоровая женщина, которая...

– Ей пятьдесят шесть лет, – тихо напомнила Маша.

– В конце концов, у тебя есть брат.

– У него двое детей.

– Да на что ты все время намекаешь?!

– Ну почему в последнее время мы не можем нормально разговаривать? – с отчаянием сказала Маша. – Почему?

– По тому же самому, почему не можем нормально заниматься любовью! Стоит мне до тебя дотронуться, как ты вся сжимаешься в комок! Почему?

– Ты болен.

– Но ты-то здорова!

– Тебе это не надо.

– Да откуда ты знаешь, что мне надо, а что нет?! Ну откуда?!

– Перестань на меня кричать!

– Перестань обращаться со мной, как с маленьким ребенком!

– Ну, все. Любое терпение имеет предел, даже мое. Я ухожу. Завтрак на столе.

И Маша выскочила в прихожую. Он услышал, как хлопнула входная дверь. Звук оказался слишком громким. Все. Ушла. Вот ведь какая странность: выхаживала его, больного, ночи не спала, от постели не отходила. Спасла. А зачем? Чтобы теперь мучить? Выходив тебя и отдав тебе часть себя и своей жизни, принесший жертву вольно или невольно начинает мстить. И ты тоже мстишь за то, что вынужден был жертву эту принять. За свою беспомощность. Но ведь это же абсурд! Получается то, что получается.

Он подумал, что надо бы вернуть жену. Но сначала позавтракать. Остыть. И ей тоже. Кофе... Надо его выпить, хотя кофе ему тоже, кажется, нельзя. Машинально он подошел к раковине, открыл дверцу, за которой стояло мусорное ведро. Посмотрел, нет ли там рисунка. Его не было. Исчез. За завтраком думал только об этом. Надо бы найти жену, помириться с ней и спросить про рисунок.

Еще часа три он провел дома, сидя как на иголках. Решил что, бросившись за женой, потеряет лицо, и заставил себя сдерживать порыв. Мужчина не должен так себя вести. Особенно если он ни в чем не виноват.

Потом он шел к теще, ежась от холода и прикрываясь от дождя и ветра черным зонтом. Теща жила на другом конце Фабрики. Перед тем, как пересечь центральную улицу, неизбежно очутишься возле того самого магазина. Уже издали завидев семиэтажный дом, Александр замедлил шаги, а выйдя из-за угла, остановился. У разбитой витрины толпился народ.

– Что случилось? – спросил он, заметив в толпе бывшего сослуживца.

– Да вот, говорят, костюм с витрины украли. Ночью сигнализация сработала. Хорошо, что не в мое дежурство.

– Ночью? – вздрогнул он.

– Ну да. Не рассвело еще.

Во сколько же Маша пришла из больницы? И куда делся рисунок? А может, кто-то тайно проник в квартиру, и пока он спал... Нет! Жена взяла, не иначе. Но как тогда он узнал, что изображено на рисунке? Как смог осуществить задуманное?

Глядя на разбитую витрину и поломанный манекен, знал только одно: в городе есть человек, который так же сильно ненавидит Германа. И человек этот не в себе. Ибо подумать, что совершить подобное мог сам Горанин...

– Горанин... – уловил вдруг он.

Поистине, о чем бы ни заходила речь, друг Герман тут как тут!

– ... видели здесь.

– Кого? Германа? – хрипло спросил он, уставившись на бывшего сослуживца.

– Ну да. Сигнализация сработала, когда витрину разбили. Но пока сообразили, что к чему, пока доехали, преступник уже убежал. У разбитой витрины стоял только следователь Горанин.

– И как он это объяснил?

– Шел мимо, – пожал плечами приятель.

– Ночью?

– А что, у нас в городе запрещено ночью по улицам ходить? Вестимо, шел от бабы. От какой именно, ни за что не скажет.

– А преступника он видел?

– Говорит, что не видел. Но последнее время странные события у нас на Фабрике происходят. Машину на днях разбили. Иномарку. Не угнали, не на колеса позарились, не на магнитолу. Разбили. Теперь вот витрину. И исчез один-единственный костюм! Как будто брать больше нечего! В магазине товара – полно!

– Может быть, просто не успели? – В Завьялове вдруг заговорил оперативник: эх, расследовать бы это дело!

– Может, и не успели... Не пойму, топором он это манекен, что ли?

«А может, ломиком? – мелькнула вдруг мысль. На сей раз, орудия разрушения на месте преступления нет. Мог и топором».

– Как себя чувствуешь, Саша? – спохватился вдруг приятель.

– Более или менее, – кисло сказал Завьялов.

– Не хватает нам тебя. Разве что как частное лицо привлечь.

– Привлекайте. Только я этой ночью спал. Крепко.

О рисунке он, разумеется, умолчал. Нелепая история. Сказать, что в городе появился фанатик, которому здорово насолил Герман Горанин? Хотя при чем здесь Герман? Почему все опять сводится к его персоне? Сначала разбили похожую машину, теперь исчез похожий костюм. Сняли с манекена. Сам манекен изломан. Оба раза Горанин оказывался рядом. Первый раз пришел искать ломик на место преступления, сегодня просто проходил мимо. Совпадение?

Дождь, утихший было, вновь усилился. Поднялся ветер. Стоящие у разбитой витрины люди стали расходиться. Он тоже пошел своей дорогой.

Теща с тестем жили в длиннющей девятиэтажке, одном из последних домов, построенных Фабрикой. Оба проработали там всю жизнь и после двадцатилетнего ожидания получили хорошую трехкомнатную квартиру. Через несколько лет умерла старенькая бабушка, сын переехал к жене, потом и дочь переехала к новому мужу. Квартира, о которой столько мечталось, оказалась для двоих слишком просторной. Все хорошо в свое время. А прошло оно – и вместо радости новые проблемы. Теща не раз предлагала произвести обмен: свою трехкомнатную и однокомнатную Завьяловых – на две двухкомнатные, но он был упрям. Благодеяний ни от кого принимать не хотел, ибо никому не хотел быть обязанным. Что есть, то есть.

А вдруг Маша задумает уйти? Ее комнатка, изолированная, светлая, поддерживается в идеальном порядке. Он испугался. А если уже случилось? Три часа промедления могут дорого ему обойтись! Терять Машу не хотелось. Ведь останется совсем один! Общение с отцом сводится к редким телефонным звонкам, когда тот просит денег. Получается, нет у него никого, кроме Маши.

Увидев его на пороге, теща слегка удивилась. Вниманием зять не баловал, приходил крайне редко. Капитолина Григорьевна была полная, видная женщина с огромными натруженными руками. Всю жизнь она проработала ткачихой, вышла на пенсию, но руки эти и теперь никогда не оставались в покое. Если не были заняты работой, беспокойно теребили край передника или ворот халата. И от этого ему все время казалось, что теща нервничает и что-то скрывает.

Завьялов уставился ей в лицо, как на допросе, и спросил:

– Маша здесь?

– Нет. – Рука метнулась к золотой цепочке на полной шее, пальцы начали нервно ее крутить.

– Как это – нет? Она три часа назад ушла, сказала, что пойдет сюда! А ну-ка, пустите!

Капитолина Григорьевна невольно попятилась, он вошел в прихожую и закричал:

– Маша! Маша, ты здесь? Я пришел за тобой!

– Она здесь была, – начала объяснять теща, – но недолго.

– Вот как? И куда она ушла?

– Сказала, что на рынок.

– Ах, да! Сегодня же суббота! Но на рынок мы ходим вместе!

– Саша, я не знаю, что там у вас произошло, но...

– Хватит вам врать, Капитолина Григорьевна! Где моя жена? Где? Отвечайте! Вы знаете, я по лицу вижу!

– Маша звонила... – испуганно забормотала она, – но я...

– Кому?

– Не хочешь ли ты сказать, что я подслушивала? – обиделась теща.

– Не хочу ли я сказать?! Да я это знаю! Вы до сих пор считаете ее маленькой! У вас в квартире параллельный телефон! Вы и в детстве ее подслушивали, и сейчас подслушиваете! Все интриги против меня плетете!

– Саша! Машенька говорила, что ты болен, но...

– Кому она звонила?!

– Она называла его «Герман Георгиевич». Я думаю, что...

Не дослушав, он выскочил из квартиры. Маша звонила Герману! Так и есть! Что между ними? Между женой и бывшим другом? Он так и подумал о Германе – бывший друг. Из-за Маши. Значит, мужу она в интимной близости отказывает, ищет отговорки, бережет себя для любовника. Вот в чем причина, а вовсе не в его болезни! А как она смотрела на Германа там, в больнице! Неужели же думают, что он, Зява, слепой? Глухой – да, но не слепой!

Ревность накрыла с головой, словно морская волна. Захлебнулся жгучей обидой. На улице хотел было поймать такси, чтобы побыстрее добраться до Долины Бедных, но вспомнил, что не взял деньги. Пришлось идти пешком. Они сговорились против него. Маша и Герман. Жена и друг. Встречаются тайно, занимаются любовью. И плетут интриги. Неужели же хотят упрянуть его в сумасшедший дом? Для того и рисунки воруют. Не выйдет! Не будут они вместе!

...Калитка была не заперта, но входная дверь закрыта на ключ изнутри. Завьялов барабанил в нее кулаками, крича при этом:

– Открой, я знаю, что она здесь! Открой!

Наконец дверь распахнулась, на пороге появился Герман. Босой, рубашка не заправлена в джинсы, застегнута только на две пуговицы. Видно было, что одевался он наспех. Поежившись от хлынувшего в распахнутую дверь холода, Горанин растерянно спросил:

– Что случилось?

– У тебя моя жена! Вот что случилось! Где она?! Ах, у тебя в постели? А ну-ка, пусти!

И с неизвестно откуда взявшейся силой Завьялов отпихнул Германа и кинулся к лестнице, ведущей на второй этаж. Он знал, где находится спальня. Она там. Маша.

Маша-а-а-а!!!

– Сашка! Ты с ума сошел! Мать твою! – кричал Герман, бросившись следом.

Но он оказался проворнее. Взлетел по лестнице и рывком распахнул дверь спальни. И тут Горанин, догнав, схватил его за плечо, дернул резко. Завьялов успел разглядеть в постели перепуганную блондинку. Бледную, худосочную, чем-то похожую на Машу. Но не Машу. Увидев его, блондинка испуганно вскрикнула и натянула одеяло до самого носа. Разглядеть, что из одежды на ней ничего нет, он все-таки успел.

– Извините, – пробормотал Александр, и в следующую секунду Горанин захлопнул дверь и потащил его обратно к лестнице, ругаясь:

– У тебя крыша поехала! Псих! Убил бы тебя! Псих ненормальный!

Уже в самом низу, на первой ступеньке лестницы, Завьялов неожиданно для себя резко развернулся и ударил Герману по уху. От души, с наслаждением. Тот растерялся. Потер щеку и растеряно спросил:

– Зява, да ты что?!

– Где Машка?! Где?!

– Ну, ты даешь! Вот уж не думал, что ты такой ревнивый! Пойдем поговорим. Давай, двигай вперед.

Горанин слегка подтолкнул его в спину. Только потом сообразил: друг Герман не дал сдачи. Значит, чувствует себя виноватым. Маша здесь была. Но ничего! Он их выведет на чистую воду! Тяжело дыша, направился на кухню. Если в постели у Германа юная блондинка, значит, Маши здесь нет, и нет смысла обыскивать дом.

– Ты только это... никому. Что застукал у меня мэрову дочку, – попросил Герман, заходя следом за ним на кухню.

– Так это дочь мэра?!

– А ты ее не узнал?

– Без одежды трудно. Она ведь вся такая... Модная, – сказал, почти уже успокоившись. Волна отхлынула.

– Ну, ты даешь! Такую девушку и не узнать!

– Главное ее украшение – это папа. Благодаря ему в первых красавицах ходит, а без него она такая же, как все. Не лучше и не хуже. А может, и хуже, – добавил назло Герману за то, что тот не лучшим образом отозвался когда-то о внешности Маши.

– Но-но! Ты смотри, при Веронике это не скажи! Правдолюбец! И о сегодняшнем – молчок. Я тебя попросил. Отец еще не знает, что она вернулась.

– Как это не знает? Что, с поезда прямо к тебе?

– Она по телефону сказала отцу, что приедет вечером. А приехала утренним. Взяла на вокзале такси – и напрямик сюда.

– А зачем такие тайны?

– Да ты присядь. Присядь.

Александр тяжело опустился на табурет:

– Водички бы попить.

– А может, водочки?

– Я теперь не пью. Мне нельзя.

– Ну тогда я тебе клюквенного морса налью. Хочешь морса?

И Герман полез в холодильник. Жил он один, но в двухэтажном коттедже всегда было чисто и уютно. И клюквенный морс в холодильнике имелся всегда. А ведь его еще надо приготовить! Не Герман же этим занимается? И уж конечно не мэрова дочка. Родители Германа, жившие раньше на Фабрике, выйдя на пенсию, продали квартиру и уехали в родную деревню. Деньги отдали единственному сыну. Остаться рядом не захотели. Деревня, откуда оба были родом, находилась километрах в сорока от N. Мать навещалась к Герману редко и поддерживать идеальный порядок в этом доме, естественно, не могла. Впервые задумался: кто она, женщина, о которой Герман иногда говорит с такой грустью и нежностью? На которой не женится, но и от услуг ее не отказывается? Вот уже долгие годы ее присутствие чувствуется везде. Еще одна тайна. И сколько же их еще в жизни Германа?

Морс оказался очень холодным. И приятным на вкус. Собранная в этом году клюква созрела еще не вся, и чтобы приготовить напиток, надо было тщательно перебрать ягоды. Какие на морс и варенье, какие в лежку. Кто-то же этим занимается. Для Германа.

– Ну что, успокоился? – миролюбиво спросил Горанин. – Напился?

– Ты меня выгоняешь?

– Сашка, почему с тех пор, как ты вышел из больницы, в каждом моем слове ищешь подвох?

– А ты не догадываешься?

– Догадываюсь, что я самый для тебя виноватый. Ну убей меня за это!

– Это не так-то просто. – Завьялов прищурившись, посмотрел на Германа. Медвежья шерсть на его широкой груди курчавилась, и сам он был такой же могучий, как лесной зверь. Попробуй убей такого!

– Ты чего прилетел-то? – зевнул Герман, словно не услышав последней фразы.

– Я знаю, что утром тебе звонила моя жена.

– И что с того? – насторожился Герман.

– Как муж я имею право знать, зачем? Что это был за разговор?

– Деловой разговор, – пожал плечами Герман.

– Какие могут быть дела у тебя с моей женой? – Он сделал упор на слове «моей».

– Ты хочешь сказать... Постой-ка... Хочешь сказать, что я и Маша... Что я могу с Машей... Да ну тебя! – И Герман расхохотался.

– Она что, не так хороша для тебя, как мэрва дочка? – неожиданно обиделся за жену Завьялов.

– Да не в том дело! Ну что ты задираешься? В городе хватает красивых женщин, и уж конечно мне незачем крутить роман с твоей женой. Не в обиду ей будет сказано, а просто... Да зачем я перед тобой оправдываюсь? – разозлился вдруг Герман.

– А затем, что ты передо мной виноват!

Герман вдруг побледнел. Да-да! Горанин испугался! Камень у него на душе лежал! Стопудовый! Чутье подсказало. Ах, это чутье!

– Ну хорошо, мы говорили о твоей работе. Маша просила чем-то тебя занять.

– Вот как?

– Слушай, Зява, ты извини, но... меня женщина ждет. Приходи завтра. И мы договорим.

– А рисунок она тебе не передавала?

– Нет. – Герман поспешно отвел глаза и вдруг – спохватился: – Какой рисунок?

– Ладно, не прикидывайся! Тот, что я нарисовал этой ночью. Разбитая витрина.

– Сашка, чес-слово! Знал, что ты чего-то малюешь, но стены своей спальни этим украсить не спешу.

– Что, может помешать процессу? – усмехнулся Завьялов.

– Какому процессу? – рассеянно спросил Герман.

– Процессу любви. Значит, не брал рисунок?

– Нет.

– Ладно. Возвращайся к своей Веронике. Тебя ждет сто первая серия. Про любовь. Но учти, я тебя предупредил. Насчет Маши.

– Ну, Зява, ты просто зверь! Знавал я ревнивых мужей, но такого...

– Вот когда женишься, я посмотрю, какой ты будешь.

– А я никогда не женюсь, – бахвалясь, сказал Горанин. И тут же осекся. В дверях кухни стояла блондинка. Она проходила так тихо, что они заметили ее только когда девушка громко ойкнула.

Она уже успела одеться и была теперь в алом свитерке, модных расклешенных джинсах и остроносых полусапожках на высокой шпильке. Фигурка у девушки была стройная, весьма привлекательная, а вот лицо, с которого от жарких любовных ласк успела сойти косметика, бледное, невыразительное. Щеки впалые, подбородок скошен, а носик вздернут слишком уж высоко. Алый цвет свитера только подчеркивал бледность. Словно мертвец стоял на пороге.

– Значит, ты мне врешь! – зло сказала она. – Все время врешь!

– Ника, ты зачем спустилась? – растерянно спросил Герман.

– А меня все равно уже видели! Мне нужны сигареты!

– Я не люблю, когда девушки курят.

– А мне на это плевать!

– Вот твои сигареты. – Герман потянулся к пачке, лежащей на холодильнике. – Только не надо так кричать.

– Значит, ты всем рассказываешь, что я только твоя любовница, и что ты никогда на мне не женишься. Очень хорошо! – Вероника, глубоко затаилась.

– Ты знаешь, что это не так!

– А как?! Как?! Да я из-за тебя с родителями поссорилась, а ты... ты...

– Я, пожалуй, пойду, – поднялся из-за стола незванный гость. – Вы уж меня извините.

– Вот, я понимаю, мужчина! – высоким напряженным голосом сказала девушка. – Никому не даст в обиду свою жену! Даже тебе! А ведь я знаю, что она...

– Замолчи! – заорал вдруг Герман. – Хватит устраивать истерики! Зява, выйди! Это семейная сцена!

– Да никогда ты не будешь моей семьей! Ничьей не будешь! И не очень-то надо было!

Завьялов поспешил уйти. Подсматривать в замочную скважину нехорошо, некрасиво. Вероника продолжала скандалить, а Герман пытался ее успокоить. Мол, образумься, соседи услышат.

– Ну и пусть! Пусть! Пусть все слышат! Я никого не боюсь! В отличие от тебя!

Александр кубарем скатился с крыльца. Подумал: «Герману не позавидуешь. Как он умудрился связаться с такой истеричкой? Разве что дочь мэра!»

Так была здесь Маша или не была? Завьялов не нашел ничего лучшего, как спросить у нее в упор:

– Ты была у Германа?

Когда он вернулся, жена была уже дома, готовила обед, изо всех сил делая вид, что ничего не произошло. Вопрос мужа обидел ее:

– Как ты мог такое подумать?

– Что подумать?

– Что я и Герман...

Она покраснела. А он разозлился:

– В том, что я это подумал, нет ничего удивительного! Всем известно, что он первый в городе кобель! И я видел, как ты на него смотришь!

– И что в этом такого? – тихо сказала Маша. – Он красивый.

Завьялов не выдержал, с надрывом закричал:

– Вы все с ума посходили! Все бабы в городе! От своих дурацких сериалов! Вы чокнутые! Беситесь со скуки, от серости жизни, от тоски! Вам хочется изменить свою жизнь, ох, как хочется! А как изменить? Как? Бежать некуда. Ваша единственная отрада – сплетни. И единственный способ хоть что-то поменять – это одного мужа на другого. Или любовника. Потому что с работой гораздо сложнее. Ее в городе нет, а вот мужиков, сколько угодно! И устраиваете в городе Санта-Барбару, не замечая, что это только жалкая пародия! Пародия на жизнь и на любовь!

– Саша, что ты такое говоришь?!

– То, что думаю! Я теперь много думаю!

– Ты болен, – сочувственно сказала Маша. – Тебе надо пить лекарства.

– Ты взяла рисунок? – резко спросил он.

– Какой рисунок?

– Тот, что я нарисовал сегодня ночью?

– Нет, – поспешно отвела глаза жена.

– Куда же, интересно, он делся? Испарился? А витрина разбита! И манекен изломан! Ты хотя бы понимаешь, что все это значит?

– Что?

– В городе скоро будет труп! Мертвец! Покойник! Со следами насильственной смерти! Я полагаю, что все вертится вокруг Германа. А его ли это будет труп...

– О Господи! – вскрикнула Маша.

– Ага! Я так и знал! Он тебе небезразличен!

– Я не то подумала, – оправдываясь, сказала жена.

– Да то! То!

Александр забежал по кухне, ища сигареты. Потом вспомнил: Маша их выкинула. Жена напряженно за ним следила. Когда остановился, сказала так тихо, что пришлось читать по ее губам:

– Хорошо. Мы говорили о работе. О твоей работе. Я попросила Германа Георгиевича куда-нибудь тебя устроить. Ведь он может все.

– Ну разумеется! Герман может все! Молодцы! Хорошо придумали! Складно врите!

– Саша!

– Я все-таки в милиции работал. Понимаю, что к чему.

– Да ничего ты не понимаешь!

– Ну так объясни! Чего именно я не понимаю?

Маша молчала. Характер у тихой женщины – кремень. Терпение обточило камень так, что он стал абсолютно гладким. Но камнем остался. Кого она так бережет? Его? Себя? Или Германа?

– А ты знаешь, что у него сейчас любовница в постели? – мстительно сказал Завьялов.

– Перестань! Немедленно перестань!

– Ах, тебе обидно! А уж как мне обидно, ты себе даже представить не можешь!

– Хорошо, что у нас нет детей, – вздохнула Маша.

– Что? – опешил он.

– Хорошо, что у нас нет детей, – отчетливо повторила она.

И он ничего не смог на это сказать. Ни-че-го. Слова застряли в горле. На этом ссора закончилась. Он затаил зло, а что на душе у жены, по ее лицу было не понять. Мысленно поставил веху: закончился еще один день долгой безлунной ночи. А насчет трупа он не пошутил. Чутье подсказывало – к этому все идет.

День пятый

Герман позвонил через несколько дней и пригласил к себе в прокуратуру. Завьялов удивился, но пошел. Что еще придумал бывший друг? Уж не к себе ли хочет его устроить?

– Нет – вздохнул Горанин. И поспешно добавил: – Пойми меня правильно. Твое здоровье...

– Ну да! – перебил Завьялов.

– Хочешь работать страховым агентом?

– Кем-кем? – удивился он.

– Страховым агентом. Ограничений по здоровью нет, большой нагрузки тоже. Сейчас многие страхуют свои дачи. Лето было жаркое, сухое. Дома горели как спички.

– Да, я помню, – поморщился Александр. При воспоминании об июльской жаре голова вновь нестерпимо заболела. – У соседей тоже дача сгорела.

– Ну, вот видишь! Страховая контора расширяется, хотят открыть филиал у нас на Фабрике.

– Ты хотел сказать: у вас на Фабрике, – поправил Завьялов.

– Да хватит тебе к словам цепляться! У вас, у нас. Открывают филиал. И точка.

– Это женская работа. Хочешь меня унижить?

– Я хочу тебе помочь. Ты человек умный, с высшим образованием. По домам ходить нетрудно. Тебе привычно и на Фабрике тебя все знают.

– А как же инвалидность? Врачебная комиссия признала меня никуда не годным.

Завьялов заметил тревогу в глазах Горанина. Неужели и тут без Германа не обошлось? Уважаемый Герман Георгиевич поспешил отправить друга на пенсию? Во избежание неприятностей.

– А ты сам как считаешь? – осторожно спросил Горанин. – Можешь работать или нет?

– Надо попробовать, – вяло сказал Завьялов. – Не в художники же. Жена говорит, что я бездарность.

– Где бездарность, а где и... – не удержался Герман.

Видел он рисунок, точно! И записал друга Зяву в прорицатели. Но предсказывать убийства что-то неохота. Опасное это занятие.

– Ладно, звони, – буркнул он.

– Ну вот и отлично! – обрадовался Герман. – Только учти, это не завтра. Пока они откроются, пока обучишься. Главное – застолбить место. Желающих много. Зарплата у них крохотная, но зато процент от сделки солидный. И проездные.

– У меня проезд бесплатный, – напомнил Александр.

– Ах, да! Я, Зява, не могу воспринимать тебя как больного человека. Для меня ты по-прежнему Сашка Завьялов, молодой, энергичный, талантливый. Кто за меня контрольные-то писал? – лихо подмигнул Герман.

– Так и бывает: одни контрольные пишут, а другие на их горбу в большие люди выезжают, – не удержался Завьялов.

– Ох, и язва ты, Зява! Ох, и язва! – покачал головой Герман и, сняв телефонную трубку, зарокотал: – Мне бы Валентину Владимировну... Валюша, ты? Привет. Горанин беспокоит. Как жизнь, как здоровье? Мое? Здоровье мое на букву «ха», только ты не подумай, что хорошее. Да шучу я, шучу! Что мне сделается!

Шутки его были пошлые, но женщины все равно смеялись. Александр представил себе, как на том конце провода зашлась в хохоте полногрудая Валюша. Видел ее мельком, но лицо не запомнил. Крупная женщина, высокая, под стать Горанину. За считанные секунды Герман договорился, что подвезет сейчас своего человечка. Он так и сказал: «человечка». Потом положил трубку, подмигнул:

– Ну, вот и все. Поедем, я тебя с будущей начальницей познакомлю. Миртовая баба, между прочим.

– А не мировые бабы у тебя есть?

– Всяких хватает, – усмехнулся Герман.

Ехали в контору, или, как модно сейчас говорить, в «офис» на иномарке Горанина. По дороге думал: «Зачем Герман это делает? Из-за Маши? Хочет убедить друга, что оба они не соврали? Что отношения между ними только деловые? По логике вещей все обстоит именно так: налицо сговор». А логика капитана Завьялова никогда еще не подводила.

«Офис» оказался темной, мрачной комнатой с обшарпанной мебелью, а Валюша улыбочивой брюнеткой лет сорока. Орлиный нос, яркие губы, на пышной груди огромный золотой крест лежал как на подносе. Увидев Германа, она поднялась из-за стола и, оглядев его с ног до головы, сказала:

– Хорош! Сколько не виделась? Не звонишь, не заходишь.

– Я работаю, – важно сказал Герман и поправил галстук.

Подошедшая Валюша, никого не стесняясь, чмокнула его в щеку. Так вкусно, что сидевшая за соседним столом худосочная девица невольно облизнула губы.

– Вот мой товарищ, Завьялов Александр Александрович, – сказал Герман, положив руку ему на плечо.

– Это про которого в газете писали? – прищурилась Валюта.

– Он самый.

– Что ж. Можно попробовать. Мне многие звонили, но в память о нашей давней дружбе...

– Выходит, я злоупотребляю? – улыбнулся Герман.

– Да ты, шельмец, всем злоупотребляешь. И всеми. Ну да ладно. Тебя все одно не переделаешь. Жениться-то не собрался?

– Разве что на тебе. Да ты ведь откажешь!

– А вдруг да не откажу?

Они кокетничали друг с другом как люди, между которыми давно все решено, и потому можно теперь чувствовать себя свободно. Окружающие прекрасно это понимали. Завтра весь город узнает: Горанин приходил к бывшей любовнице устраивать кого-то на работу, а потом сказал: «С меня ужин в ресторане». Поход в ресторан тоже будет обсуждаться со смакованием всех подробностей. Что ели, что пили, сколько раз танцевали и куда потом поехали. Самое интересное, что Германа никто не осудит: лихой мужик. А Валюше все кости перемоют. Но ей, похоже, все равно. Она свободная видная женщина, при должности, при своей квартире, и случаем воспользуется обязательно. К такой женщине никто не подступится. Только Герман, который уверен в собственной неотразимости на сто один процент. А Валюша ждет, по лицу видно. Его ли, кого другого, но ждет.

– Сколько я тебе должен? – спросил Завьялов у Германа, когда они вышли.

– Да брось! – отмахнулся Герман. – Пустяки.

– Но ты же в ресторан ее собрался вести.

– И что?

– А потом еще куда-нибудь.

– Куда-нибудь... Эх, Зява, ты прямо, как девка красная! В нашем возрасте пора называть вещи своими именами, – наставительно сказал Герман. – Она приятная баба, чес-слово. Разумеется, жениться я на ней не могу. И она это прекрасно понимает.

– А почему не можешь?

– Ну, ты как ребенок! – с откровенным удивлением посмотрел на него Герман.

– Ах, да: никто не поймет.

– Вот именно. Ладно, забыли. Куда тебя отвезти?

– Тебе на работу надо, а я и на автобусе доеду.

– Ну, как знаешь. Если будут какие-то проблемы, звони.

– Скажи, есть вещи, которые ты не можешь?

– В смысле?

– В нашем городе. Где ты, похоже, царь и бог.

– Ну, Зява, ты преувеличиваешь!

– Да ничуть. Мне просто интересно, как люди этого добиваются?

Горанин молчал, лицо его было мрачно. Он уехал, так и не ответив на вопрос.

Неожиданно Завьялов заметил на противоположной стороне улицы его. Высокого молодого человека в серой куртке, который тоже смотрел вслед уехавшему Герману. Парень сжимал кулаки и что-то бормотал себе под нос. Он решил, что сказанное относится к Горанину. И, читая по губам, понял суть. Парень посылал вслед уехавшему следователю проклятия. Несколько минут они так и стояли, потом парень увидел, что с противоположной стороны улицы за ним внимательно наблюдают. Вздвогнув, разжал кулаки, поднял капюшон и быстрым шагом направился к автобусной остановке. Завьялов чуть ли не бегом пересек улицу и – следом. Чуть подсказывало: он, человек, который так же сильно ненавидит Германа. Пока дошел до остановки, сильно запыхался. Увидев его, парень поспешно отвернулся. Подошел автобус.

Парень сел в него, Завьялов тоже. Как в те времена, когда работал в милиции, почувствовал себя охотником, взявшим след. Исподтишка наблюдал за преступником. Хотя с чего он взял, что парень имеет отношение к разбитой машине и поломанному манекену? Допустим, ненавидит Германа. Разумеется, ненависть – плохое чувство. Отвратительное. Но за это не сажают. Все жители N ненавидят обитателей Долины Бедных, тем не менее все стекла в коттеджах целы, фонари на улице тоже, да и головы с плеч не полетели. Можно плюнуть вслед проехавшей иномарке, можно прошептать: «у-у-у... буржуй недорезанный...» Как все и делают. Но паритет в городе сохраняется: они сами по себе, мы – сами. Никто не собирается переступать черту.

У парня безумные глаза. Такой может и фару разбить, и витрину тоже. А ударить человека? Есть у Германа шанс выжить?

Пока автобус колесил по городу, Завьялов подсчитывал шансы бывшего друга. И думал, как поступить. Только что Горанин оказал ему услугу. Может быть, сделал это не столько для него, сколько для себя. Но сделал. Спасти Герману жизнь? А если это ошибка? Словно рентгеном прошупывал он взглядом лицо человека, одержимого желанием отомстить. Несправедливо осужденный не без участия следователя Горанина? Методы работы Германа известны. Ревнивец? Завистник? Правильный овал лица, длинный хрящеватый нос, тонкие губы. Глаза коньячного цвета. Крепость та же: взгляд режет, словно ножом. Симпатичный молодой человек, высокий, худой, в движениях чувствуется скрытая сила. Хороший спортсмен? Не исключено. Думай, Зява, думай. Пока человек не вынул руки из карманов и не пустил в ход кулаки, он еще не преступник. Может, с ним стоит просто поговорить?

Из автобуса они вышли вместе. На Пятачке.

В каждом городе есть свой Пятачок, самое бойкое место, где по ночам кипит жизнь. Водку ли, сигареты, женщин – все можно получить круглосуточно. Рядом стоят такси с зелеными глазками: свободно. Как только одна машина уезжает, ее место тут же занимает другая. Жизнь продолжается, и вот уже другую пару увозят в ночь. В N такой Пятачок находился на Фабрике. Здесь переваривались крутившиеся в городе деньги, и потому он мог считаться желудком N. Сейчас, середь бела дня, было тихо, желудочный сок не выделялся вследствие отсутствия пищи. Красивые, модно одетые девушки, вероятно, спали после бурной ночи, в стоящих без работы такси дремали водители. Днем их услугами пользовались редко.

Сойдя с автобуса, парень свернул в сторону рынка. Поблизости от Пятачка круглые сутки шла торговля, только с наступлением темноты с прилавков исчезали вещи, появлялось спиртное.

Завьялов, не спускал глаз с серой куртки.

Парень подошел к одному из прилавков и неожиданно нырнул под него. Завьялов приблизился, и увидел его рядом с полной женщиной, на вид лет пятидесяти.

– Что желаете? – тут же спросила она, глядя с надеждой – неужели покупатель?

Лицо женщины показалось знакомым.

– Нет, ничего, – пробормотал Александр и сделал шаг назад.

У соседнего лотка купил пачку сигарет.

– Сашка, ты? – спросила продавщица, кивая.

– Э-э-э...

– Да мы в одном классе учились! И в детский садик вместе ходили! Эх ты! Я Ольга Соловьева, помнишь?

– Оля? – Он растерялся.

За двадцать лет хрупкая блондинка превратилась в дородную тетю с выбеленными перекисью волосами. А сам-то он разве не изменился? Совсем седой. Приглядевшись, узнал: точно, она. Оля Соловьева. И удивленно спросил:

– Как? И ты здесь? На рынке?

– Да все мы теперь здесь, – вздохнула женщина. – Куда ж деваться?

– Постой... Ты вроде бы уезжала?

– С мужем. Он военный. – (Пауза, глубокий вздох.) – Вернулись. Он уволился со службы. Вот, квартиру купили на воинский сертификат. – (Пауза, вздох.) – А работы нет. Торгуем поменьше.

– И как торговля?

– Как у всех. Не идут дела. – (Пауза, вздох.) – Денег у народа нет. Крутимся как можем, едва концы с концами сводим. Но ничего! Не помирять же?

И Ольга, тряхнув головой, лихо рассмеялась. На передних зубах блеснули металлические коронки.

– Послушай. – Он оглянулся, – вон там женщина. Рядом с ней парень в серой куртке. Мне ее лицо показалось знакомым. Может, тоже наша одноклассница?

– Да что ты! Ей пятьдесят с гаком! Это наша бывшая воспитательница, разве не узнал? Она тогда молоденькая-молоденькая была. После техникума. В старшей группе работала. Ну? Вспомнил?

– Ирина...

– Михайловна.

– Да. Ирина Михайловна. А рядом кто?

– Ее сын. Младший. Старшему-то лет тридцать. Уехал в Москву. Говорят, хорошо устроился. А младший областной университет недавно окончил. Юрфак.

– Юрфак? Постой... Я ведь тоже там когда-то учился!

– С красным дипломом окончил. А школу – с золотой медалью. Все говорили – не поступит. Деньги, мол, большие нужны. А он взял, да и поступил. Сам. Голова! А теперь вот рядом с матерью на рынке стоит.

– Почему?

– А куда?

– Ну как же. Юрист, с красным дипломом.

– Эх, Сашка! Ничуть ты не изменился! Все такой же идеалист! Я ему про жизнь, а он мне про диплом. Сам-то как?

– Потихоньку.

– Слышала, ранили тебя. – Пристально глянула на него бывшая одноклассница.

– Было... Так, значит, Ирина Михайловна. А сына зовут...

– Павел. Что, протекцию хочешь составить?

– Да я сам теперь без работы... – И тут он вспомнил про Горанина. – Хотя, кое с кем поговорить могу.

– Ты о Германе? Слышала, дружите вы. Я еще в школе поняла – далеко пойдет Горанин. Так и вышло. Не мужик – танк. Вот за кем, как за каменной стеной, а?

– Слишком уж много вас там прячется. За этой стеной, – пробормотал Завьялов.

Ольга, блеснув коронками, расхохоталась:

– Ты никак завидуешь! А ведь в школе он к тебе с контрольными бегал, не ты к нему.

– Дались вам эти контрольные! – в сердцах сказал Александр. – Напомни, как ее фамилия?

– Кого?

– Ирины Михайловны.

– Павнова.

– А он, значит, Павел Павнов.

– Молодцом будешь, если парню поможешь. Он действительно умница. Не место ему здесь.

– А кому здесь место? Дуракам?

– Эх, Сашка, Сашка! – покачала головой Ольга. – Все философствуешь. Думаешь много, вон, аж поседел весь!

– Это не от ума. От горя.

– А какое у тебя горе? Говорят, пенсию хорошую получаешь, жена работает... Ой, извини! Я что-то не то сказала? Извини.

– Ничего. Все нормально. Ну, я пошел. Счастливо тебе.

– И тебе.

– Да, мне еще зажигалку. – Он полез в карман за мелочью. Тут же разорвал пачку, жадно закурил.

Маша будет ругаться, ну да ладно. Встречи с бывшими одноклассниками оптимизма не прибавляют. Все считают, что он хорошо устроился. И за той же каменной стеной, за Германом Гораниным.

День шестой

Жена ушла на ночное дежурство и Завьялов отправился к Герману, на огонек. Огонек этот виден издали. Герман дома. Надо отблагодарить за услугу. Горанин теперь ходит по улицам с опаской, и с оружием за пазухой, во всяком случае, всем так говорит. Но не знает, кого и чего надо бояться. Или знает? Может, стоит только назвать ему имя – Павел Павнов, и все встанет на свои места? О том, что он, может быть, не один, тоже подумал, но все же решил пойти без предварительного звонка. Кто бы там ни был, лишь бы не Маша. А если Маша? Он сам не понимал, хочет этого или не хочет. Застать их вдвоем и поставить точку? Конец подозрениям, да здравствует факт! Факт супружеской неверности. Неведение – это, конечно, блаженство, но сомнительное. Тот, кто не хочет знать правду, подставляет себя под удар. Доброжелателей хватает. Лучше правду в глаза, чем нож в спину.

Шел быстро и на дорогу затратил не больше десяти минут. Входная дверь была незаперта, но он все равно вежливо постучал. Вспомнив, как в прошлый раз ворвался в дом и испугал девушку, почувствовал стыд. Нельзя быть таким. Это отвратительно. На стук никто не отозвался, он же подумал, что просто не расслышал и толкнул дверь: разумеется, Герман крикнул «Войдите!», он же не знает, что за дверью стоит его глуховатый приятель.

В холле первого этажа никого не было, но в кухне, куда он прошел, суежилась высокая худая женщина с красивым, но уже поблекшим лицом. Телевизор работал, герои популярного сериала говорили громко, неудивительно, что женщина не услышала стука. Увидев его, она испуганно ойкнула. Сдавленно, тихо. И тут же зажала ладонью рот. Что ее так напугало? Потом кинулась к пульту и убрала звук.

– А Герман дома? – спросил он.

Женщина закивала: да, да, да! И тут же кинулась к плите, где варился борщ. Когда обернулась, он понял: что-то говорила. Но с ним нельзя разговаривать, повернувшись спиной. Горанин и Маша это знают, с ними проблем нет. Переспросил:

– Что, простите? Я не расслышал.

– ...прибираюсь здесь. Герман...

Теперь женщина смотрела ему за спину. Обернувшись, Завьялов увидел Германа. Горанин, в голубых джинсах, но голый по пояс и босой, смущенно проговорил:

– Сашка, ты? А я вот переодевался. Только-только с работы.

«Врет!», – тут же подумал Завьялов.

– Вера Васильевна, вы закончили? – официальным тоном спросил Герман.

– Да, – растерянно сказала женщина. Видимо, Герман делал ей за его спиной какие-то знаки, потому что она вновь стала объяснять: – Я здесь прибираюсь. И стираю. И...

– Саша, – тронул его за плечо Герман.

– А? Что?

– Мне неловко всем объявить, что у меня домработница. Понимаешь?

– Почему неловко?

– Потому. Вера Васильевна вот уже много лет помогает мне по хозяйству. То есть помогала. А потом... Словом, она собиралась выйти замуж, но теперь вновь оказалась в сложном финансовом положении...

Герман тщательно подбирает слова, но Завьялов и половины не услышал, потому что внимательно приглядывался к Вере Васильевне. Лицо знакомое. Но это неудивительно. Прожив столько лет на Фабрике, трудно встретить человека, лицо которого незнакомо. Женщине чуть за сорок. Бледна, щеки впалые. Когда-то была красива, но теперь в темных волосах мелькает седина, кожа сухая, вокруг глаз заметны морщинки. Она старше Германа. Нет, не любовница. Косметикой не пользуется, седину не закрашивает, одета плохо – в старые джинсы и свитер ручной вязки. Даже Валюша по сравнению с ней – королева. Чего они оба так испугались?

– Меня дочка ждет, – просительно посмотрела на Германа Вера Васильевна. – Ей рожать скоро. Мало ли что. Я пойду?

– Конечно, – кивнул Горанин. – Сколько я вам должен? – Давайте выйдем в коридор и там рассчитаемся.

Как хлопнула входная дверь, он не услышал. Должно быть, Вера Васильевна прикрыла ее аккуратно, тихо. Завьялов сидел, уставившись в телевизор. Ему показалось странным – Горанин ходит по дому босой, полуодетый. И женщину, похоже, это нисколько не смущает.

– Значит, это твоя домработница? – спросил он, когда Герман вернулся.

– Ну да, – сказал бывший друг, натягивая рубашку.

– Постой... Та самая Верка, которая...

– Сплетни о нас – чушь собачья. Вера Васильевна ходит ко мне. Тайком. Я не хочу объявлять об этом. У нее двое детей. Сыну двадцать два, он учится. Дочь скоро родит. Сам понимаешь, деньги нужны.

– Не знал, что ты такой.

– Какой?

– Добрый. И стеснительный.

Герман смущенно кашлянул и виновато сказал:

– Соседи немного в курсе. Слух-то по городу идет, но не все правильно понимают.

– Я понял правильно.

– Слушай, что случилось, зачем пришел-то? – резко сменил тему Герман.

– Да ты же сам в гости звал!

– Может, поужинаешь со мной? Вера борщ сварила. Вкусный. Она хорошо готовит.

Налить?

Герман предложил выпить водочки, под борщ, но Завьялов отказался, он все раздумывал, как заговорить о деле. Горанин выпил один, и пока они ели, нахваливал кулинарные способности своей домработницы. Что-то здесь было не то.

– Послушай, имя Павел Павнов тебе ни о чем не говорит? – спросил, наконец, Александр.

– Нет. А кто это? – Герман с хрустом откусил соленый огурец. На светлую рубашку капнул рассол.

– Выпускник юрфака. С красным дипломом окончил.

– Да? И что? – равнодушно спросил Горанин, аккуратно промокнув салфеткой яркие, чувственные губы.

– Ты вспомни. Нигде не пересекались? Быть может, ты дело вел, в котором он фигурировал?

– Павнов? Выпускник юрфака? Не было такого, – уверенно сказал Герман.

– А на бытовой почве? Девушку, например, у него не уводил?

– Я? Девушку? У какого-то сопливого мальчишки? Тоже мне, соперник!
– Тем не менее, он за тобой следит.
– Да ну тебя, – отмахнулся Горанин. – Ты, Зява, стал ревнивым и мнительным.
– Смотри. Я тебя предупредил.
– Так ты за этим пришел?
– Сам посуди, разбили машину, похожую на твою. Манекен, похожий на тебя, сломали, украли костюм. Возможно, изрезали его на куски. Дальше что?

Горанин даже рот раскрыл. Уставился на приятеля, словно привидение увидел. Выражение лица у него было странное.

– И еще рисунки, – напомнил Завьялов.
– Какие рисунки?
– Мои. То ли между нами телепатическая связь, то ли он их находит и...
– Зява, ты бы пошел показаться врачу, – ласково сказал Герман. – Хочешь, я договорюсь?
– Ты что, мне не веришь?
– Все это последствия контузии. Твои, гм-мм... галлюцинации.
– Павел Павнов реально существует. Я видел его сегодня. Сначала в городе, потом на Пятачке, на рынке. Можешь спросить у Оли Соловьевой.

– Кто такая Оля Соловьева?
– Моя бывшая одноклассница. Она там сигаретами торгует. На рынке.
– Ну хорошо. Я наведу справки.
– Только поспеши. Он опасен.
– Я, знаешь ли, тоже, – самодовольно сказал Герман.
– А если у него оружие?
– Да хватит меня пугать!
– Только не говори потом, что я не предупреждал. Ты знаешь мое чутье. Скоро в городе будет труп.

– Чей? – пристально глянул на него Герман.
– Этого я не знаю. Но предполагаю, что твой.

Горанин расхохотался. До слез. Потом поднялся и направился к шкафчику, где на одной из полок лежала пачка сигарет. Открыв, протянул Александру:

– Закурим?
– У меня свои.
– Значит, ты пришел меня предупредить, – сказал Герман, глубоко затянувшись. – Вот видишь, нервничаю. Чаще курю. За предупреждение спасибо. Только убить меня не так-то просто. Не хвастаясь, стреляю я лучше сопливого мальчишки, который только думает, что может убить человека. А если он на меня с ножом набросится...

Горанин привычно расправил широченные плечи. «Медведь, – подумал Завьялов. – Такой заломает».

– Ну так что, Зява? – пристально посмотрел на него Герман. – Ты успокоился?
– Я, пожалуй, пойду, – Александр затушил сигарету и поднялся.
– Тебя проводить?
– Нет, спасибо. – Вспомнилась та апрельская ночь, когда в него стреляли. – Сам дойду.
«И зачем пришел? – думал он, шагая в сторону Фабрики. Убедиться, что Герман по-прежнему силен? Что убрать его с дороги можно только проявив чудеса изобретательности? По словам Ольги, Павел Павнов – умница, круглый отличник. Рано ли, поздно способ он найдет...»

День седьмой

Прошло три недели, ночи стали такими длинными и темными, что на жителей N постепенно нападала спячка. Даже молодежь, собирающаяся на Пятачке, поутихла. После работы все спешили по домам. Осень, сумерки года, перевалила за половину, приближалась его ночь, долгая зима. А зиму в N откровенно не любили. При хроническом безденежье зима, что тяжелая ноша, придавливает к земле и заставляет экономить силы.

По настоянию Маши Завьялов вновь бросил курить. Уже в который раз. Но теперь твердо. Носил в кармане лекарства, словно страховой полис. «Если станет хуже – выпью, – думал он, – но надо держаться. Здоровый ты, пока не признаешь себя больным». Три недели они с женой вели себя сдержанно, словно нашалившие дети, примерное поведение которых доставляет удовольствие родителям, а меж тем зреет новый конфликт. Александр чувствовал, как внутри сжимается пружина. Ну сколько можно молчать?

Если неглупые люди чувствуют, что друг другом недовольны, они идут на уступки. Кто-то делает шагок назад в надежде, что другой это оценит. И отблагодарит. Но тот, другой, не хочет оказаться проигравшим, он делает свой шагок назад. Так они пьются, пьются, пока расстояние между ними не станет таким же, как в первый день знакомства. Тогда окажется, что стоят друг перед другом совершенно чужие люди, но каждый почему-то ждет благодарности!

Так, без ссор и без скандалов с битьем посуды, они с Машей дошли до точки. До конечной точки маршрута. И он не выдержал. Спросил с надрывом:

– Ну почему ты молчишь? Нам давно надо поговорить.

– О чем?

– О нас.

– Мне пора на дежурство.

– Ты прячешься от меня на работе, я давно это понял. Вместо того, чтобы объясниться, уходишь, оправдывая свое безразличие занятостью. Скажи честно, ты хочешь развода?

– Ты же знаешь, что это невозможно.

– Но хочешь.

– Нет, – Маша отвела глаза.

– Ладно, я понял. Не так давно ты сказала: «Хорошо, что у нас нет детей». И я узнал, что ты ходила к Герману. Не перебивай, я думал об этом три недели. Ты к нему ходила. Но я не могу так просто тебя отдать.

– Я не вещь.

– А я вещь? Неодушевленный предмет, с которым можно так обращаться?

Завьялов попытался взять себя в руки.

– Подожди немного, – попросил он. – Я скоро пойду на работу, буду при деле, и все изменится.

– Ничего не изменится. Дело не в работе, а в тебе. Ты ненавидишь Германа.

– Ты не права.

– Да у тебя это на лице написано! С тобой невозможно разговаривать. О чем бы мы ни заговорили, ты переходишь на Горанина, бесконечно твердишь, что ему повезло, а тебе нет. Что он сильный, умный, необыкновенный, а ты нет. И сам жить без него не можешь! Думаешь, что можешь, что без него жить было бы лучше. Ты предсказываешь, что его убьют... Может, сам собрался его убить? Может быть, ты уже это делаешь?

– Я?! Что от меня скрываешь?! Договаривай!

– Я скажу тебе. Завтра, потому что мне на работу надо. Я действительно скрываю от тебя очень важное. Не хотела расстраивать.

– Маша!

- Мне надо идти.
- Нет, постой, – попытался он удержать жену.
- Саша, перестань. Я опаздываю. Утром.
- Ну хорошо. Утром, так утром, – сдался он.
- Все, пока.

Ушла, даже не поцеловав его на прощание. А вот раньше... Раньше, раньше! Заладил! Александр нервно ходил по комнате, сунулся было в буфет, где обычно лежали сигареты, но вспомнил, что их больше нет, и с досадой захлопнул дверцу. Попытался смотреть телевизор, но с раздражением выключил. Все одно и то же. Серии перебегаются выпусками новостей и ток-шоу. Сладкая ложь, горькая правда и публичное перетряхивание грязного белья. Это раньше предпочитали сор из избы не выносить, а теперь им гордятся. Гляньте-ка, что у меня есть! Какая умопомрачительно прекрасная мерзость! Люди придумывают себе проблемы, а настоящих словно бы не замечают. Смешно! Слушать их – смешно. Жизнь проходит мимо. Вот в чем проблема. Надо бы изменить эту жизнь, но как? От неумения найти ответ на этот мучительный вопрос и рождаются все беды.

Он злился. Потом злился на себя за то, что злится, ворчит как старый дед. Остался, мол, за бортом жизни, а жизни-то никакой и нет. Выходит, и борта нет. Отчего так больно? Замкнутый круг. Проскрипев кое-как до десяти часов вечера, лег спать. Но уснуть не смог. Лежал, ворочался с боку на бок. Маша сказала – все утром. Она собирается рассказать что-то важное. Быть может, о Германе? О том, что уходит к нему? Не выдержал, вскочил и стал собираться. Не позволит он так с собой обращаться!

... Дверь открыл Герман, и, видимо, поняв все по его лицу, с усмешкой сказал:

- О! Я вижу у нас опять приступ ревности!
 - Скажи честно, она уходит к тебе?
 - Кто? – удивился Герман.
 - Маша.
 - Маша? Да ты что? Входи. Тебе надо успокоиться. – Герман посторонился.
- Войдя, Александр уловил наверху какое-то движение. Не услышал – почувствовал.
- У тебя кто-то есть? – спросил с подозрением.
 - Нет, – покачал головой Герман. – Я один. Выпить хочешь?
 - Выпить? Да, пожалуй, хочу. Да, хочу.

Потом они сидели на кухне и разговаривали довольно спокойно.

– Понимаешь, – сказал Завьялов, выпив первую рюмку, – она собирается утром мне что-то рассказать. Что-то очень важное. Я так понимаю, ты в курсе.

– А почему я должен быть в курсе?

– Ну как же. Ты и она...

– Эх, Сашка, Сашка! Как же плохо ты обо мне думаешь! Ты вот что, иди-ка спать. Утро вечера мудренее.

– Да не могу я там оставаться!

– Ночуй здесь.

– Сон нейдет.

– Выпей лекарство. У тебя снотворное есть?

– Да, в кармане куртки.

– Выпей, – твердо сказал Герман. – И ложись. Утром все выяснится.

– Водка, теперь таблетки, – поморщился Александр и потрогал шрам на голове. – Болит...

– Ничего. Ты же мужчина. Терпи. Я сейчас принесу.

– Я сам, – поднялся было Завьялов, но Горанин уже нес из прихожей коробочку с лекарством.

– Знаешь, – сказал он, – ложись-ка здесь, внизу, тут теплее.

«Определенно у него кто-то есть, – мелькнуло, как в тумане. – А если подняться наверх?» Но ноги не слушались. Расслабился, называется!

Горанин постелил ему в столовой. Уложив, выключил свет, сказав:

– Спокойно ночи. Завтра воскресенье, так что я весь день дома. Спи долго.

Прислушался. Герман поднимается наверх. Естественно, самих шагов он не слышит, но чувствует вибрацию, ибо Горанин очень тяжел. Все, наверху. Еле ощутимое дуновение. Словно жаркий шепот пронесся по дому. Эхо любовных ласк. Там женщина. Он не может этого знать. Ну никак. И не может ничего услышать. Интуиция подсказывает.

Лежал, чувствуя себя странно. Голова по-прежнему гудела от напряженных мыслей. Думал о Маше, думал о ее тайне. Вот кто-то вновь спускается по лестнице. Та же едва ощутимая вибрация. Нет, показалось...

Очнулся он глубокой ночью, включил свет и подошел к яркому плакату, висевшему на стене. Красивая женщина и красивая машина. Красное и красное. Герман обожает такие яркие картинки. Может, в угоду ему Вероника носит красное, которое ей откровенно не идет? Повинуясь какому-то непонятному, но чрезвычайно мощному импульсу, он снял со стены плакат, положил его на обеденный стол яркой картинкой вниз. Теперь перед ним была белая гладкая поверхность. В стенном шкафу, за стеклом, заметил карандаши и ручки в пластмассовом стаканчике. Достал и принялся делать карандашный набросок. Работал около получаса и вдруг ужаснулся. Он рисовал убийство. Жертвой была... Маша! Да, да, да! Он был никудышным портретистом, но некоторое сходство угадывалось. Пышные каштановые волосы, тонкая нижняя губа, близко посаженные глаза. И огромные пятна, заштрихованные красным. Рядом нарисовал ломик. Тот самый ломик, которым разбили машину. Который держал в руке Герман. На нем тоже были красные штрихи.

Внимательно разглядев рисунок, он понял, что это больница. Первый этаж. Обычно Маша спускалась, когда ее вызывали. Палаты, в которых лежали больные, находились на втором этаже, а внизу был приемный покой, кабинет старшей сестры, гардероб и подсобные помещения. Ночью первый этаж был пуст, входная дверь заперта. Но ему Маша отпирала. Надо только бросить камешек в ее окно на втором этаже. Или позвонить, чтобы ждала и заранее спустилась вниз. Но последнее время он предпочитал появляться без предупреждения.

«Господи, да неужели же я желаю ей смерти! – подумал с ужасом. – Нет, нет, нет! Я люблю ее! Что бы ни говорил, что бы ни делал, я по-прежнему ее люблю! Это какая-то ошибка! Так быть не должно!» И тут он заметил, что его руки испачканы красным. Чернила. Стержень, кажется, потек. Так увлекся, что надавил слишком сильно. И весь перепачкался. Пошел в ванную, которая тоже находилась на первом этаже, стал отмывать руки. Потом увидел в зеркале свое перепуганное лицо, странный блестящий взгляд. Расширенные зрачки почти целиком поглотили светлую радужку. Должно быть, из-за снотворного. Вид у него был усталый, больной.

Вернувшись в столовую, он решил спрятать рисунок в холле, в одном из платяных шкафов. Открыв его, увидел куртку Германа, его обувь. Вновь зацепило за живое, внутри дрогнуло, но ни думать, ни делать что-то сил не было. Хотелось только одного: спать. Смертельная усталость парализовала все тело. Свернув плакат в трубку, поставил его в шкаф, решив, что подумает об этом завтра. Поплелся обратно в столовую, рухнул на диван и провалился в глубокий сон. Теперь уже настоящий.

Ночные кошмары у него и раньше случались. Причем, проснувшись, не мог понять, сон это был или реальность. Так бывает у нервных людей, живущих в постоянном напряжении. Очнувшись, они первое время даже видят то же самое, что и во сне. И не сразу возвращаются в реальность. Вот и он не мог утром понять, что же на самом деле случилось. Помнил, что выпил водки, потом снотворное, а перед этим беседовал с Германом. О Маше. И вот вам, пожалуйста! Ночной бред!

Поворочавшись с боку на бок, отметил, что плакат висит на стене. Как это висит?! Да, да, да! Женщина в красном платье, улыбаясь, изгибалась по-змеиному у красной машины. Но ведь ночью он снял плакат со стены, сделал рисунок, потом спрятал его в шкафу, в холле! Паранойя! Значит, это был всего лишь сон! Ну разумеется! После такой дозы снотворного и двух рюмок водки и не такое приснится! перевел взгляд на часы. Ого! Половина десятого! Маша уже вернулась с ночного дежурства! Увидит, что его нет дома, и начнет волноваться. Сегодня у них должен состояться серьезный разговор. Она собиралась что-то ему рассказать. Что-то очень важное... Тут только заметил, что в доме подозрительно тихо. То есть для него всегда тихо, но есть живая тишина, а есть мертвая. Когда одиночество. Он давно уже научился определять одиночество по отсутствию вибрации. Иногда даже казалось, что чувствует, как люди дышат. Сейчас тишина была мертвой. Но ведь Герман сказал, что на работу не пойдет. Выходной. А женщина, которая была у него ночью? Где она? Да что это он! Не было никакой женщины. И не было рисунка. Он поругался с женой, расстроился, пришел ночевать к другу, выпил немного, расслабился и лег спать. Все остальное только приснилось.

Поднявшись, невольно застонал: голова болела. Не надо было вчера принимать снотворное на спиртное. Это все Герман. Он виноват. Но где ж он сам? Где хозяин?

Александр пошел в ванную, стал умываться. Увидев свое лицо в зеркале, снова вспомнил ночной кошмар. Его передернуло от отвращения. Приснится же такое! Выйдя из ванной, громко и отчетливо прокричал:

– Герман! Я уже встал! Спускайся!

Ответа не было или он не расслышал. Удобно ли будет подняться наверх и заглянуть в спальню? Вспомнил голую блондинку в постели у Германа и подумал, что неудобно. Крикнул еще раз:

– Герман! Гора! Хватит дрыхнуть! Спускайся!

И вновь нет ответа. Прислушался к своим ощущениям: вибрации тоже нет. Тишина. Мертвая. Пожав плечами, прошел на кухню, включил телевизор. Какое-то время подождал. Поставил чайник, чувствуя, что начинает раздражаться. Уйти, не предупредив хозяина? Нет, так нельзя. Надо подняться наверх.

Он уже направился к лестнице, когда входная дверь неожиданно открылась. Оказывается, она и не была заперта. Горанин, хмурый и неприветливый был в кожаной куртке на меху, в джинсах, забрызганных грязью. Темные волосы намокли под дождем.

– Ты же говорил, что сегодня выходной! – как можно веселее сказал Завьялов. – А сам гуляешь! Да еще под дождем! Романтики захотелось?

– Как себя чувствуешь? – спросил Герман, вешая куртку в шкаф. Лица его при этом не было видно. Голос звучал глухо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.